

Джон Беньян

Книга для мальчиков и девочек
или Деревенские стишки для детей

также известная как

Божественные знаки
или Духовный взгляд на обычные вещи

*Перевод с английского языка,
предисловие и комментарии
Василия Владимировича Чернова*

Москва
Фонд переводов христианского наследия
2026

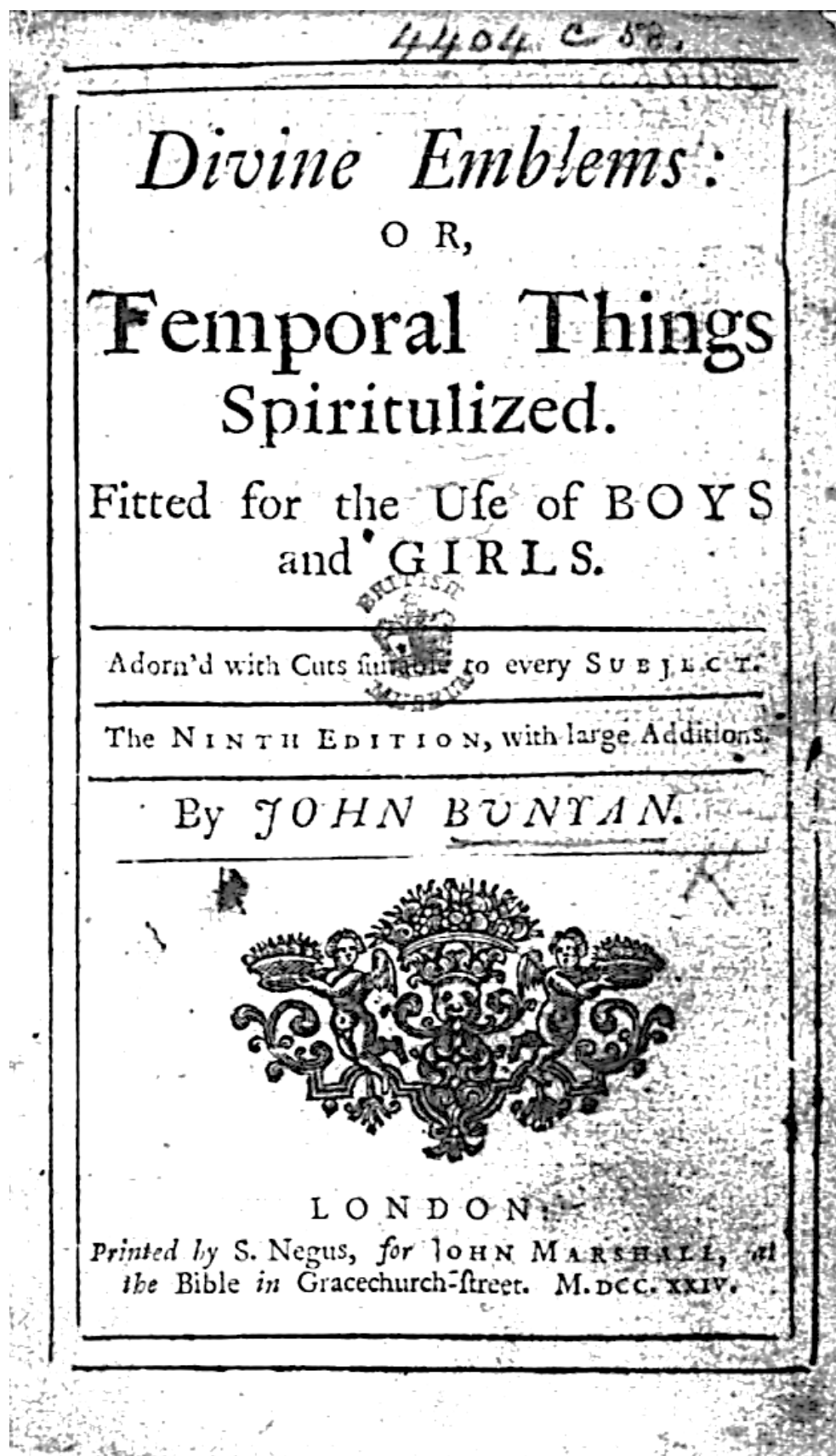
A
B O O K
F O R
B O Y S
A N D
G I R L S:
O R,
Country Rhimes
F O R
Children.

By J. B.

Licened and Entred according to Order.

LONDON, Printed for N. P. and Sold by the
Bookfellers in London 1686.

*Титульный лист первого издания «Книги для мальчиков и девочек» (1686)
в факсимиле Дж. Брауна (1890)*

Титульный лист девятого издания «Книги для мальчиков и девочек» (1724), вышедшего под названием «Божественные знаки, или Духовный взгляд на обычные вещи».

Оглавление

Джон Беньян как детский поэт: история, контекст и литературные черты «Книги для мальчиков и девочек»	7
Беньян и детская литература его времени	7
Поэтическая форма и язык	10
Образный ряд	13
История текста и изданий	16
Современные исследования Беньяна как детского поэта	18
О русском переводе этой книги	19
К читателю	21
1. Десять заповедей	23
2. Покаянные размышления ребенка утром	24
3 [4]. Мысли о яйце	28
4 [6]. Молитва Господня	29
5 [7]. Предрасветные мысли	29
6 [8]. Камень в ручье	30
7 [9]. Рыбка и вода	30
8 [10]. Вольная птица	31
9 [11]. Пчела	31
10. Символ веры	31
11 [12]. Облачное утро	32
12 [13]. Пустой лоск	33
13 [14]. Мысли при свете свечи	33
14 [15]. Тайнства	35
15 [16]. Отблески солнца на облаках ясным утром	36
16 [17]. Платье	36
17 [18]. Грешник и паук	36
18 [19]. Размышление о дне в преддверие заката солнца	42
19 [20]. Крот	42
20 [21]. Кукушка	43
21 [22]. Мальчик и бабочка	43
22 [23]. Мушка и свеча	44
23 [2]. Жаворонок и птицелов	45
24. Откормленный хряк	46

25 [24]. Восход солнца	47
26 [25]. Яблоня и ее плоды	47
27. Вестовой	48
28. Конь на мельнице	49
29. Колокольный звон.....	49
30 [26]. Вор.....	50
31 [27]. Младенец и птенец	52
32 [28]. Жена Моисея	53
33 [1]. Бесплодная смоковница	54
34 [29]. Розовый куст.....	54
35 [30]. Закат	55
36 [31]. Жаба	56
37 [32]. Волчок и кнут.....	56
38 [33]. Муравей	57
39 [34]. Просящий	57
40. Неумелый музыкант	58
41 [35]. Седоки.....	58
42 [36]. Свечки на полу	59
43 [5]. Небесные птицы.....	60
44 [37]. Дешевый хлеб	61
45 [3]. Виноградная лоза.....	61
46 [38]. Мальчик и часовщик.....	61
47. Мальчик с пакетом чернослива.....	62
48 [39]. Зеркало	63
49. Фонарь	63
50 [40]. Любовь Христова.....	64
51. Конь и барабан.....	65
52 [42]. Курица, что любит кудахтать.....	66
53 [41]. Песочные часы	66
54. Мел.....	66
55. Зловонное дыхание.....	67
56. Смерть.....	67
57 [43]. Улитка.....	68
58 [44]. Невеста Христова	68

59 [45]. Искусный музыкант.....	70
60. Заразная муха.....	71
61 [46]. Человек и его натура.....	71
62. Лекарство.....	71
63. Очки	72
64. О тех, кто боится мелкой живности	73
65. О нашей боязни бесов	73
66 [47]. Непослушные дети	74
67. Мальчик и игрушечная лошадка	75
68. Око и сердце.....	75
69. Отважный флюгер	76
70 [48]. Чистый лист.....	76
71. Неуч.....	76
72. Время и вечность	77
73 [49]. Пожар	77
74. Красота	77

Джон Беньян как детский поэт: история, контекст и литературные черты «Книги для мальчиков и девочек»

Великий английский писатель Джон Беньян достаточно хорошо известен в русскоязычной читающей среде. В основном, конечно, знают его главное, самое знаменитое произведение — аллегорическую повесть «Путешествие пилигрима». Эта книга появилась в России еще в XVIII веке будучи переведена с французского перевода. Широкую популярность ей обеспечила первая русская переводчица — Юлия Денисовна Засецкая, дочь героя войны 1812 года Дениса Давыдова. Кроме «Путешествия» она перевела еще одно крупное произведение Беньяна — «Духовная война». Позже, в том числе уже в наше время, на русском языке выходили и другие произведения Джона Беньяна, так что русская аудитория имела много возможностей познакомиться с этим замечательным автором.

Беньяну-поэту в русскоязычном пространстве повезло куда меньше. А ведь поэзия Беньяна не смотря на простоту формы представляет собой совершенно замечательное, уникальное явление — и при этом практически неизвестное тем, для кого главный язык — русский. Это касается даже переведенных работ автора. Например, в английском оригинале «Путешествия пилигрима» содержит два крупных стихотворных фрагмента — пролог и эпилог. Однако Юлия Засецкая вообще не стала переводить первый из них, а второй перевела прозой.

Между тем, Беньян — автор целого ряда поэтических произведений, который включает поэму «Гевал и Гаризим» (Ebal and Gerizim, ок. 1665), стихотворные сборники «Единое на потребу» (One Thing is Needful, ок. 1665) и «Тюремные размышления» (Prison Meditations, 1665), а также стихотворные переложения множества библейских сюжетов (написаны в разные годы, впервые изданы в 1701 году).

Беньян и детская литература его времени

Среди поэзии Беньяна один сборник особенно интересен тем, что произведения в нём были адресованы маленьким читателям. Впервые он вышел под простым и говорящим названием «Книга для мальчиков и девочек, или Деревенские стихи для детей» (A Book for Boys and Girls, or Country Rhymes for Children). Канадский религиозный журналист и критик Роберт Коатс (1874–1960) высказывал предположение, что Беньян решил написать эту книгу, наблюдая неожиданную популярность «Путешествия пилигрима» среди детской аудитории¹.

«Книга для мальчиков и девочек» стала одной из последних работ автора. Первый тираж был отпечатан в 1686 году — меньше, чем за два полных года до

¹ См. Coats R.H. John Bunyan as a Writer for Children // Baptist Quarterly. Vol. 1.6 (April 1923). P. 282–288 (284).

кончины Беньяна. К тому времени он давно был известным проповедником, от которого люди ожидали не только духовного, но житейского совета. Кроме стихов, книга включала в том числе и практические вещи — азбуку (разными шрифтами), простейшие основы чтения, написание некоторых имен собственных, арабские и римские цифры. Это одна из первых в истории литературы авторских книг детских стихов, что представляется особенно значительным, если рассматривать данный факт в контексте эпохи.

Английская Реформация XVI века привела к постепенному, но стабильному росту грамотности в стране. Ведь если, как теперь считалось, основой веры является Библия, то долг всякого человека — уметь прочесть эту священную книгу. Так учила даже государственная Церковь Англии, и, конечно, этого принципа придерживались члены различных небольших сообществ протестантов-нонконформистов, к одному из которых принадлежал и Джон Беньян.

В Англии его времени детская литература вовсе не предназначалась для «развлечения» в современном смысле слова. Большинство авторов исходили из убеждения, что ребенок рождается с греховной природой, а потому книга должна служить своего рода наставлением ко спасению — «руководством по выживанию» для души. Одним из самых известных детских писателей того времени (помимо Беньяна) был Джеймс Дженоуэй. Его книга «Наставление для детей» (*A Token for Children*) (1671) стала настоящим бестселлером. В ней не было ни говорящих животных, ни волшебных приключений — только рассказы о «благочестивых» детях, умерших в раннем возрасте от различных болезней. Задача книги состояла в том, чтобы показать: эти дети были столь набожны и послушны, что не боялись смерти. Сегодня подобные сюжеты могут показаться мрачными, однако в эпоху высокой детской смертности родители видели в них способ подготовить ребенка к вполне реальной возможности ранней кончины.

«Книгу для мальчиков и девочек», как правило, относят к эмблематической литературе². Как мы увидим дальше, в XVIII веке за книгой даже закрепилось соответствующее название — «Божественные знаки» (*Divine Emblems*), а также возникла традиция снабжать каждое стихотворение иллюстрацией, при том, что в прижизненном издании книги картинок вовсе не было. Эмблематика как жанр возникла в континентальной Европе, где пользовалась большей популярностью, чем в Англии. Первым образцом стали «Знаки» (*Emblemata*, 1531) Андреа Альciati. Само слово, использованное им в названии, происходит от греческого «ἐμβλημα», что означает «вставка, мозаичный элемент». В Англии жанр утвердился после выхода книги Джеффри Уитни «Собрание знаков и других вещей» (*A Choice of Emblemes and other Devises*, 1586). Авторы вроде Джорджа Уитера (1588–1667) и Фрэнсиса Куорлса (1592–1644) создавали сборники, где простая картинка сопровождалась нравоучительным стихотворением. Ребенок

² Эмблематическая литература — жанровая разновидность дидактической литературы раннего Нового времени, в которой символическое изображение сопровождается текстовым толкованием и образует с ним единую аллегорико-нравственную конструкцию.

мог увидеть песочные часы и прочитать о том, как его жизнь «утекает»; изображение свечи становилось поводом для размышления о том, что свет веры должен гореть, если только его не погасит ветер греха. Мир воспринимался как система прозрачных знаков, каждый из которых указывал на духовную истину.

Существовала и совершенно «низовая» детская печатная литература — то, что называют словом «chapbooks», хотя для времен Беньяна это анахронизм³. Это были своего рода «комиксы» XVII века, содержавшие истории о Джеке — победителе великанов, Робине Гуде, Гае из Уорика, баллады и народные стихи. Строгие родители неодобрительно относились к таким «басням», считая их пустыми и «неистинными», однако именно они сохраняли устные традиции и фольклор, давая детям пространство для воображения. Более того, часть этих произведений содержала в себе значительный элемент религиозного наставления. Британские литературоведы Грэм Мигдли и Пет Пинсент сходятся во мнении, что «Беньян находился под влиянием религиозных баллад, которые распространялись в XVII веке»⁴. «Как и их авторы, — прибавляет к этому Пинсент, — он был достаточно проницателен, чтобы понять, что наставление принесет мало пользы, если оно не будет сопровождаться чем-то таким, что может вызвать у человека *желание* читать»⁵.

Детская поэзия той эпохи также носила ярко выраженный дидактический характер. Она отличалась простым языком — без сложных метафор, чтобы ее мог понять даже ребенок из небогатой семьи; строгими и легко запоминающимися схемами рифмовки (AABB или ABAB); а также склонностью видеть в природе нравственный урок: пчела учила трудолюбию, муравей — усердию, цветок — смирению. Природа рассматривалась как зеркало, в котором ребенок должен был распознать образ должного христианского поведения.

Ближе к концу XVII века в английской детской литературе вообще и в поэзии в частности начинают происходить заметные изменения. Она постепенно отходит от суровой и мрачной дидактики к более мягкому, педагогически продуманному стилю. Страх смерти и образ ранней могилы уступают место идее воспитания через интерес, наблюдение за природой и разумное наставление — хотя нравственный пафос по-прежнему остается ее неотъемлемой частью. Джон Беньян оказался живым свидетелем и во многом автором начального этапа этих перемен. Его стихам всё еще присущ морализаторский пафос, однако он с готовностью признавал желание детей понять этот мир, а не просто напоминать о грехе и смерти. Его стихи сочетали нравоучение с живыми, эмоционально близкими образами, что делало их более доступным и человечным. Нам не известно, одобрял ли Беньян «chapbooks», однако его «Книга для мальчиков и девочек» в сокращенной версии (об этом будет сказано ниже) в XVIII веке

³ Слово «chapbook» вошло в английский язык в 1820-х годах; оно происходит от слова «chapman» (коробейник, лоточник, офеня).

⁴ The Miscellaneous Works of John Bunyan: In 13 vols. Vol. 6: The Poems / Gen. ed. R. Sharrock, ed. G. Midgley. Oxford: Clarendon Press, 1980. P. xxx; Pinsent P. 'Childish Toys' for 'Boys with Beards': John Bunyan's A Book for Boys and Girls // Poetry and Childhood / Ed. M. Styles, L. Joy, D. Whitley. Stoke-on-Trent: Trentham, 2010. P. 45–54 (47–48).

⁵ Pinsent P. Ibid. P. 48. Курсив автора.

превратится в одну из них: ее дешевые издания — не прошитые листы без обложки — будут продавать с уличных лотков.

Подход Беньяна — или, правильнее сказать, меняющийся дух времени — подхватили и другие авторы. В 1693 году философ Джон Локк опубликовал труд «Мысли о воспитании» (*Some Thoughts Concerning Education*)⁶. В отличие от традиционного представления о врожденной испорченности ребенка, Локк настаивал, что детский ум — это чистый лист, и ребенка следует направлять к знанию через интерес и радость, а не через страх и наказание. Он критиковал сухие и пугающие книги прежней эпохи и советовал давать детям «легкие и приятные» тексты. В частности, он рекомендовал басни Эзопа, полагая, что занимательный сюжет и образность помогают удерживать внимание ребёнка и делают нравственный урок естественным, а не навязанным. Если Локк предоставил теоретическое обоснование нового подхода, то известный английский богослов, педагог и поэт Исаак Уоттс развил беньяновскую традицию в стихосложении. В 1715 году он издал книгу «Божественные песни, изложенные простым языком для детей» (*Divine Songs Attempted in Easy Language for the Use of Children*). Это был первый сборник детских стихов, полностью свободный от устрашения. Уоттс считал, что поэзия должна быть простой и доступной, чтобы память детей могла радостно наполняться ее строками.

Поэтическая форма и язык

Как отмечает современная исследовательница творчества Беньяна Шеннон Мюррей, уровень стихосложения в «Книге для мальчиков и девочек» колеблется, в зависимости от произведения, «от весьма высокого до почти низкопробного, когда Беньян без зазрения совести создает двустишие, рифмуя слово само с собой»⁷. Действительно, стихи «Книги» отличаются предельной простотой формы, которая, однако, является результатом осознанного поэтического выбора, а не недостатка техники. Они выступают как орудие нравоведения и духовной интерпретации, а потому подчинены дидактической задаче и логике символического жанра. Беньян почти повсеместно использует короткие рифмованные строфы, чаще всего куплеты или четверостишия с регулярной рифмой. Преобладают простые метрические схемы, близкие к балладному или ямбическому ритму, легко воспринимаемому на слух. Строки, как правило, короткие, с ясным синтаксическим членением; перенос (анжамбеман) используется редко. Такая метрическая прозрачность делает стих удобным для чтения вслух и запоминания, что напрямую связано с его педагогической функцией. Рифмовка почти всегда полная и очевидная, часто с использованием самых элементарных рифм. В этой области Беньян даже не стремится избегать банальности, поскольку для него важнее не эстетическое напряжение, а

⁶ Русский перевод: Локк Дж. Сочинения в 3 т. / Ред. А.Л. Субботин. М., 1988. Т. 3. С. 407–608.

⁷ Murray S. A Book for Boys and Girls: Or, Country Rhimes for Children: Bunyan and Literature for Children // The Cambridge Companion to Bunyan / Ed. A. Dunan-Page. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 120–136 (122).

семантическая ясность. Более того, повторяемость рифм и предсказуемость ритма усиливают ощущение моральной неизбежности: вывод, к которому подводит стих, воспринимается как самоочевидный и непререкаемый.

Отдельно следует отметить, что рифмовка стихов Беньяна фиксирует особенности английского произношения конца XVII века, отличного от современной британской нормы. Ряд рифм, которые сегодня выглядят неточными или вовсе «испорченными», в контексте ранненовоанглийской фонетики были, по-видимому, полноценными. Это касается, в частности, пар слов, в которых современное произношение различает гласные или финальные согласные, тогда как для Беньяна они оставались акустически сближенными. Показательно, что эти фонетические следы возникают в предельно простой, «народной» стихотворной поэзии. Беньян пишет для слуха своей аудитории, опираясь на живую разговорную речь, а не на орфоэпические нормы, которые только начинали кодифицироваться. Его рифмы предполагают иное качество долгих гласных, а также менее жесткое различие между некоторыми дифтонгами, чем в современном английском.

Лексика стихов намеренно проста. В отличие от английской эмблематической поэзии XVII века, Беньян избегает концептуальной изощренности, сложных сравнений и риторических парадоксов. Его образы берутся из повседневного материального мира — животные, растения, явления природы, простые предметы. Эти образы не усложняются, не работают на нескольких уровнях одновременно: их задача — быть немедленно узнаваемыми и легко переносимыми в духовный план. В стихах из «Книги для мальчиков и девочек» нет переживаний, конфликта. Порой нет даже развития сюжета — просто статичное описание чего-либо. Некоторые стихи содержат вынесенное в конец раскрытие образа, «мораль»; в других «мораль» не выделяется отдельно, но она как правило есть.

Несколько стихов выделяются на общем фоне тем, что не содержат никакого морализма. В основном, это поэтические переложения важных для христианина текстов — Десяти заповедей, Символа веры, молитвы «Отче наш», протестантского катехизического положения о двух таинствах. Это было сделано для того, чтобы ребенок мог легче заучить их. Подобные переложения мы находим и у других авторов, причем далеко не только в Англии⁸.

На первый взгляд в большинстве стихотворений голос автора как бы отстранен. В этом смысле формальная структура стихов соответствует пуританскому недоверию к субъективному эмоциональному опыту как источнику истины. Поэзия здесь — инструмент наставления, а не самовыражения. Однако при внимательном прочтении это впечатление оказывается обманчивым. То тут, то там из-за покрова формы прорывается личность автора — его симпатии, переживания, опасения. Автор наставляет, но делает это не как инструктор, просто передающий информацию, а как

⁸ Например, свои поэтические адаптации Десяти заповедей составляли Мартин Лютер (по-немецки) и Клеман Маро (по-французски).

проповедник, пастырь, любящий тех, к кому обращается, и всем сердцем переживающий за них.

Это же определяет иное, по сравнению с современниками, отношение Беньяна к детям. В отличие от Дженуэя, Беньян не старается не пугать, а привлекать. Стихи помогают детям «читать книгу мира» через метафоры: обычное событие или предмет превращаются в духовный урок. Да, порой Беньян срывается в морализаторство и даже занудство, но и в этом он ведет себя как живой человек — что-то он не понимает, что-то его раздражает.

Современный британский христианский педагог Робин Барфилд указывает, что «символизм Беньяна носит опосредованный характер. Символы не оставляются для самостоятельной интерпретации. Вместо этого Беньян, как автор, посредничает между символом и ребенком. Это не означает, что к каждому образу привязано лишь одно значение, но его цель — использовать символ для наставления о действии Бога в мире... Символизм Беньяна конструируется взрослым, который выступает как спутник-пилигрим, наставник для ребёнка — тот, кто прошел дальше по пути земного странствования способен наставить, предостеречь, поддержать»⁹.

Во вступительном стихотворении Беньян прямо указывает, что его книга адресована не только детям по возрасту, но и взрослым, которые в духовном отношении остаются «детьми». Эта двуслойная адресация существенно уточняет замысел сборника. С одной стороны, автор использует простую форму, бытовые образы и наглядные сравнения, соответствующие уровню детского восприятия; с другой — он сознательно размывает возрастные границы, превращая «детскость» в нравственную категорию. Речь идет не о биологическом возрасте, а о состоянии души: о неразумии, легкомыслии, духовной незрелости. Тем самым Беньян вписывается в библейскую традицию, где младенчество может означать как чистоту и восприимчивость к истине, так и недостаток понимания. Его стихи становятся своего рода духовным зеркалом: взрослый читатель, принимающий книгу как «детскую», неожиданно обнаруживает, что наставление адресовано и ему самому. Эта стратегия позволяет Беньяну соединить педагогическую простоту с серьезным нравственным посылом, не снижая богословской глубины текста, но подавая ее в форме, доступной каждому.

Как резонно ожидать от автора-пуританина, Беньян в своих стихах широко использует библейские аллюзии. Восприятие стихов явно рассчитано на то, что читатель хорошо знаком с текстом Священного Писания — сюжетами, персонажами, образным языком. Эти аллюзии, во-первых, легитимируют нравственный вывод: стих не предлагает частного размышления, а воспроизводит уже данную в Писании истину. Во-вторых, аллюзии обеспечивают плотность смысла при формальной простоте и краткости стихов, ведь каждый из них встроен в широкий библейский контекст.

Многие особенности «Путешествия пилигрима» привели к тому, что Джона Беньяна порой называют одним из предшественников фэнтези, однако

⁹ Barfield R. John Bunyan's Solomonic Pedagogy // Christian Education Journal: Research on Educational Ministry. 2021. Vol. 19.1. P. 83–93 (89).

подобная характеристика требует уточнения. Действительно, через аллегорическую традицию произведения Беньяна сформировали культурную почву, на которой выросли авторы XIX–XX веков. Но к стихам из «Книги для мальчиков и девочек» это относится даже в меньшей мере, чем к прозаическим произведениям автора. В них нет собственного вымышленного мира, мифологической системы или развернутого повествования.

Тем не менее типологическое родство с фэнтезийной традицией можно обнаружить на более глубоком уровне. Беньян мыслит мир как систему знаков, где видимое постоянно указывает на невидимое, а каждая деталь обыденного окружения несет скрытый духовный смысл. Такая онтология символической «проницаемости» реальности — один из глубинных источников поздней фэнтезийной литературы. Образность поэзии Беньяна приучает читателя к тому, что предмет может иметь более высокий, скрытый уровень смысла; это близко к механизму миропостроения (англ. worldbuilding) в фэнтези, где каждая вещь несет метафизическую нагрузку. Связь становится еще более явной, если смотреть не на жанр, а на влияние. Через аллегорическую традицию Беньян воздействовал на английскую литературу XIX–XX веков. У Клайва Льюиса, например, идея духовной реальности, проступающей сквозь материальное, и прием притчевой наглядности несомненно имеют беньяновские корни.

Образный ряд

Американский историк Ричард Гривс отмечает, что «“Книга для мальчиков и девочек” отражает убежденность Беньяна в том, что Бог открывает Себя не только в Библии, но и в книге творения, в книге природы, в книге Божественных замыслов»¹⁰. Действующими персонажами — «знаками» или «эмблемами» — в детских стихах Беньяна выступает то, что ребенку хорошо знакомо, в том числе и ребенок как таковой. В 11 из 74 стихов мы встречаем детей. Их образ и роль далеки от позднейшей «розовой» романтики, но не менее далеки они от «испорченного грехом» ребенка пуританского морализма. Так, в стихотворении «Мальчик и бабочка» тщетная погоня, при которой малыш падает и царапается о колючки показана скорее с сочувствием и мягкой иронией. Реальный объект критики здесь взрослые, которые хоть «старше и мудрей, / Всё ж не чужды мальчишеских затей». В другом стихотворении ребенок символизирует собой не меньше, как самого Иисуса Христа — немыслимая для пуританства вольность! Ребенок ласковыми словами уговаривает птенца (который здесь символизирует грешного, нерадивого человека) прийти жить к нему в дом: «Я взять к себе тебя готов, / Своей любовью согреть». Однако усилия ребенка-Христа терпят неудачу: «Но птенчик слов не разумел, / Взмахнул крылом — и нет его. / Далёко в поле улетел, / Младенца бросив одного». Здесь — еще одно разительное расхождение Беньяна с его же собственным пуританским окружением. Пуритане, доводя до логического завершения богословские концепции Жана Кальвина и его последователей, верили, что те, кого Бог избрал быть спасенными, уже не могут

¹⁰ Greaves R.L. Glimpses of Glory: John Bunyan and English Dissent. Stanford: Stanford University Press, 2002. P. 542.

отпасть от Него. Но птенец, как мы видим, остается свободен в своем выборе — хотя выбор этот не просто ошибочен, но и очевидно печалит ребенка.

Чаще, чем детей, мы видим у Беньяна обычные предметы окружающего быта — часы, зеркало, бумагу и многие другие; им посвящено около трети стихов. Некоторые из предметов — например, свечи — фигурируют в нескольких стихотворениях. В английском оригинале «Размышления при свете свечи» содержится двадцать одна метафора, связанная с этим простым предметом! На примере свечи — и тут Беньян вновь далеко отходит от пуританского ригоризма — можно увидеть, что человек может на время утратить близость Божественной благодати, но затем обрести его заново: «Но даже если вдруг свеча угасла, / Не плачь о ней и не горюй напрасно. / Отчаянью предаться не моги — / Возьми огонь и вновь ее зажги!» Нравственное значение неодушевленных вещей у Беньяна определяется тем, как их использует человек: «Хоть истину, хоть низменную грязь / Бумажный лист приемлет, не стыдись».

Следует отдельно упомянуть место музыкальных инструментов в образном ряду «Книги для мальчиков и девочек». Существует мнение, что пуританская традиция была враждебна музыке, и оно не лишено основания. Так, в 1644 году Долгий парламент повелел убрать органы из английских храмов, назвав их «идолами для ушей». В ряде консервативных реформатских Церквей запрет на инструментальную музыку сохраняется и поныне. Однако далеко не все пуритане были враждебны музыке. Даже Оливер Кромвель, сам строгий пуританин, запретивший в Англии театры, содержал у себя дома небольшой оркестр. Так что, когда Беньян сделал «искусного музыканта» положительным персонажем одного из стихотворений, он не нарушил этим пуританских принципов как таковых. Несколько дальше он шагнул в стихотворении о колоколах — одном из немногих, где Беньян пишет от своего лица. Здесь он сравнивает собственное тело с колокольной, душу — с колоколом, ум и волю — с его языком; звонарем здесь выступает «живое слово Бога» (буквально в английском оригинале — «обетования, которые я знаю из опыта»). Такая апелляция к личному опыту не противоречит пуританской традиции. Такие столпы английского пуританства, как Ричард Бакстер и Джон Оуэн отмечали, что Святой Дух «оживляет» библейское слово в жизни верующего, так что тот на личном примере может убедиться в истинности того, что говорит Бог. Однако образ колокола, выбранный Беньяном для передачи этой мысли, вероятно, мог бы смутить многих пуритан.

Беньян сам характеризует свои детские стихи как «сельские». Это совершенно неудивительно, ведь в его время более 85% населения Англии составляли крестьяне. Их детям были хорошо известны животные и растения, да и к природным явлениям сельские ребята были внимательнее своих городских сверстников.

Живые существа — самая большая группа в образном ряду «Книги для мальчиков и девочек». Примерно в половине стихотворений перед читателем предстают, сменяя друг друга, жаворонок, курица, крот, пчела, муравей, паук, мушка, бабочка, свинья, жаба, улитка, кони, яблоня, розы, виноградная лоза,

лилия, смоковница. Некоторые из этих растений и животных не встречаются в Англии, но дети, несомненно, знали о них из Библии и по рассказам взрослых. Некоторые из животных опасны, другие сами подвергаются угрозе, третьи служат положительным примером, а порой и сами назидают читателя. Здесь Беньяну не пришлось изобретать ничего нового — подобные литературные приемы встречаются в Священном Писании¹¹, и потому воспринимались его аудиторией как должное. В ряде случаев (например, в стихах про муравья и паука) Беньян прямо обыгрывал то, как эти животные фигурируют на страницах библейской книги Притчей Соломоновых. Интересно, что, используя образ паука, Беньян объявил его «ядовитым» — символический стереотип, не имеющий отношения к английской реальности. Тем не менее, в некоторых изданиях к стихотворению про «ядовитого» паука редакторы добавляли ссылку, которая объясняла маленьким читателям, что это животное безвредно для человека и бояться его не следует.

Небольшую (шесть стихотворений), но важную часть образного ряда составляют произведения, посвященные небесным или погодным явлениям — восходу, закату, солнцу, луне, облакам. В одном из них, «Предрассветные мысли», Беньян с осторожностью позволил себе коснуться темы религиозного сомнения. Пуритане, как это свойственно реформатской традиции, считали, что подлинный христианин должен иметь уверенность в собственном спасении — ведь оно не зарабатывается изменчивыми человеческими силами, а принимается от Бога, который верен Своим обещаниям. Беньян разделял это воззрение, однако его собственный жизненный опыт подсказывал, как легко человек впадает в самообман, как порой оценки своего состояния меняются задним числом. Теперь, в конце жизни, Беньян обрел желанный мир с Богом, и был уверен в Его любви. Но он мог понять тех, «кто свой путь к Христу едва нашли». Беньян хорошо знал, что «Сомнение и надежда — брат с сестрой — / Им точат сердце утренней порой».

Показательно, что при всём разнообразии образов в сборнике отсутствует фантастическое и условно-аллегорическое пространство, столь характерное для «Путешествия пилигрима». В детских стихах Беньян не уводит читателя в иной мир — он учит читать этот. Его задача — не создать символическую вселенную, а научить распознавать духовный смысл в уже существующей реальности. Тем самым «Книга для мальчиков и девочек» оказывается школой христианского восприятия: ребенок призван не только усвоить готовую мораль, но и приобрести навык на будущее, научиться видеть, сопоставлять, истолковывать. И если в аллегорической прозе Беньян строит путь спасения как путешествие по

¹¹ Например: «Спроси у скота, и научит тебя, у птицы небесной, и возвестит тебе; или побеседуй с землею, и наставит тебя, и скажут тебе рыбы морские» (Иов. 12.7–8); «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым... Вот четыре малых на земле, но они мудрее мудрых: муравьи — народ не сильный, но летом заготавливают пищу свою; горные мыши — народ слабый, но ставят дома свои на скале; у саранчи нет царя, но выступает вся она стройно; паук лапками цепляется, но бывает в царских чертогах» (Прит. 6.6; 30.24–28); «И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут» (Мф. 6.28); «От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето» (Мф. 24.32).

символической стране, то здесь он предлагает иной маршрут: движение от вещи к смыслу, от явления — к вечности.

История текста и изданий

Как уже говорилось, первое и единственное прижизненное для Беньяна издание «Книги для мальчиков и девочек» увидело свет 1686 году. Следующее издание, возможно, вышло в 1690 году, но от него до нас не дошло ни одной копии и сам факт его существования не подтвержден; по этой причине в нумерации изданий его принято не учитывать. В 1701 году в издательстве Роберта Туки (ум. после 1728) вышло второе (без учета, как было отмечено, возможного издания 1690 года) издание книги, на много лет изменив облик этого сборника. Во-первых, несколько другим стало название: теперь на титульном листе было написано «Книга для мальчиков и девочек или Духовный взгляд на обычные вещи» (*A Book for Boys and Girls or Temporal Things Spiritualized*)¹². Второе изменение коснулось самого текста: в этом издании удалили часть стихов, сократив их число с оригинальных 74 до 49 не считая предисловия, из которого также вырезали несколько последних строк. О причинах этого шага существует несколько предположений, но наиболее вероятно, что издатели просто стремились уменьшить объем книги¹³. Кроме того, Туки изменил порядок, в котором шли стихотворения.

До 1724 года вышло еще шесть изданий книги — с третьего по восьмое; от них не сохранилось ни одного экземпляра.

В 1724 году, в девятом издании, книга приобрела название «Божественные знаки или Духовный взгляд на обычные вещи» (*Divine Emblems or Temporal Things Spiritualized*), которое закрепилось за ней и широко используется до настоящего времени.

На протяжении остатка XVIII — первой половины XIX века книга многократно переиздавалась¹⁴, причем известны очень дешевые издания, явно предназначенные для бедняков. Все их, однако, объединяет одна черта: они воспроизводят сокращенную версию 1701 года. Когда в 1853–1862 годах лондонский букинист и коллекционер Джордж Оффор (1787–1864) выпускал полное собрание сочинений Беньяна¹⁵, он также опирался на вариант 1701 года. Оффор знал об издании 1686 года и написал о нём в предисловии к стихам Беньяна¹⁶, однако саму эту книгу он считал утерянной. Более того, Оффор знал, что число стихов как-то связано с цифрой «74». Дело в том, что название первого издания — как это очевидно, неточное — он знал из рекламного объявления,

¹² Сегодня издания 1686 и 1701 года представляют собой исключительную редкость — от каждого из них сохранилось всего по одному полному экземпляру.

¹³ Подробный разбор возможных причин см. *The Miscellaneous Works of John Bunyan: In 13 vols. Vol. 6: The Poems / Gen. ed. R. Sharrock, ed. G. Midgley. Oxford: Clarendon Press, 1980. P. 188.*

¹⁴ Издания выходили в 1732, 1758, 1770, ок. 1780–1790, 1793, 1802, 1806, 1817, 1825 годах.

¹⁵ *Bunyan J. Works in 3 vols. / Ed. G. Offor. Glasgow: Blackie and Son, 1862.* Первое издание Оффора вышло в 1853 году, затем в 1854–1855 переиздавались отдельные тома; издание 1862 года вышло как «дополненное и исправленное», и именно оно считается «каноническим» вариантом Оффора.

¹⁶ *Ibid. Vol. 3. P. 746–762.* Предисловие Оффора к «Книге» следует непосредственно перед текстом Беньяна.

содержавшегося в другой книге Беньяна, вышедшей в 1688 году: «Деревенские стишки для детей на семьдесят четыре темы» (Country Rhymes for Children, upon Seventy-Four Things). Оффор задался резонным вопросом: почему «тем» 74, если стихов всего 49? Причина этого, предположил он, что под «темами» подразумеваются образы из стихов. В некоторых стихах (например, в «Жаворонке и птицелове») образов больше, чем один. Всего же в 49 стихах Оффор насчитал как раз 74 «темы». В своем издании, Оффор снабдил детские стихи Беньяна комментариями. В них Оффор раскрывал некоторые библейские аллюзии, пояснял устаревшие или поменявшие смысл слова, но чаще всего просто делился своими мыслями по поводу того или иного фрагмента текста.

Всё изменилось лишь в конце XIX века, когда известный биограф и исследователь трудов Беньяна Джон Браун (1830–1922) обнаружил в Британской библиотеке экземпляр первого издания «Книги для мальчиков и девочек» и опубликовал (1890) его факсимиле со своим предисловием¹⁷. Несмотря на это, некоторые позднейшие издания «Книги для мальчиков и девочек» продолжили включать в этот сборник лишь 49 стихотворений, хотя поэтическое предисловие Беньяна как правило печатают без сокращений.

В 1976–1994 годах издательство «Clarendon Press» выпустило в Оксфорде 13-томное академическое издание всех известных трудов Беньяна¹⁸. «Книга для мальчиков и девочек» вошла в шестой том¹⁹, который увидел свет в 1980 году. Издание содержит большое количество сопроводительных материалов и критический аппарат, позволяющий отследить изменения текста по всем основным изданиям прошлого. На сегодняшний день это лучшая публикация данного произведения.

Хотя «Книгу» Беньяна относят к эмблематической литературе, в ее первом издании вообще не было иллюстраций — об это уже говорилось выше. Лишь в третьем издании (1707) впервые появились гравюры. К девятому изданию (1724) иллюстрации стали регулярным элементом оформления: каждое стихотворение сопровождалась картинкой. Хотя эти ранние гравюры соответствовали текстам по замыслу, их художественный уровень и выразительность воспринимались как несколько грубые и даже устрашающие.

Существенное обновление визуального ряда произошло в издании 1757 года, опубликованном лондонским книготорговцем Эдвардом Дилли. Здесь был представлен новый комплект гравюр, выполненных в более изящной манере и отражающих моду георгианской эпохи: дамы изображались в широких юбках на обручах и высоких головных уборах, мужчины — в треуголках и с буклями. Эти изображения оказались чрезвычайно живучими: они многократно воспроизводились в последующих переизданиях. Особое место занимает издание 1790 года с гравюрами Томаса Беннетта, причем на медных досках были

¹⁷ Bunyan J. A Book for Boys and Girls; Or, Country Rhymes for Children / Ed., intr. J. Brown. London: Elliot Stock, 1890. (Facsimile of the 1686 first edition).

¹⁸ The Miscellaneous Works of John Bunyan: In 13 vols. / Eds. T.L. Underwood, R. Sharrock, R. Greaves, J.S. McGee, G. Midgley, O.C. Watkins, W. R. Owens. Oxford: Clarendon Press, 1776–1994, 2014².

¹⁹ A Book for Boys and Girls // The Miscellaneous Works of John Bunyan: In 13 vols. Vol. 6: The Poems / Gen. ed. R. Sharrock, ed. G. Midgley. Oxford: Clarendon Press, 1980. P. 183–270.

вырезаны не только иллюстрации, но и весь текст книги, которая имела квадратную форму. Еще одно издание с новым набором иллюстраций, созданных Уильямом Мейсоном, было выпущено в 1780 году лондонским издателем Александром Хоггом. Таким образом, к концу XVIII столетия иллюстрации превратились из случайного украшения в устойчивую и художественно значимую составляющую эмблематического замысла «Книги для мальчиков и девочек».

Современные исследования Беньяна как детского поэта

Существует не так много исследований детской поэзии Беньяна, и большинство из них уже упоминалось в данной статье. Основоположникам изучения темы можно считать *Джорджа Оффора* и *Джона Брауна*. Вводная статья Брауна к изданию 1890 года — первый достаточно научный анализ содержательной части произведения.

Британский педагог и литературовед из Оксфорда священник *Грэм Мидгли* (1923–1999) был редактором шестого тома (1980) уже упоминавшегося 13-томного академического издания трудов Беньяна. Мидгли полагает, что «Книга» — это лучшее и самое смелое поэтическое начинание Беньяна, яснее прочих раскрывающее его характер. Исследователь отмечает такие черты Беньяна, как наблюдательность, живой интерес к окружающему миру, способность делиться личными воспоминаниями. По мнению Мидгли, данное произведение значительно превосходит предшествующие книги и религиозные стихи Беньяна — прежде всего благодаря разнообразию форм, нехарактерной для той эпохи эмоциональной эмпатии к детям, сочетанию дидактики и художественной выразительности (несмотря на воспитательную цель, стихи сохраняют силу разговорного языка, могут быть изысканными или пародийными, но при этом остаются выразительными и простыми), а также наглядности и аллегорическому мышлению. Таким образом, Мидгли рассматривает Беньяна не просто как религиозного автора, пишущего для детей, а как самобытного поэта, сумевшего соединить педагогическую задачу с подлинной художественной силой, что делает его сборник выдающимся явлением в истории детской литературы.

Над несколькими другими томами того же издания Беньяна работал известный американский историк и литературовед, специалист по английской религиозной мысли XVII века *Ричард Гривс* (1938–2004). Помимо этого, он известен целой серией статей и книг о Беньяне, среди которых — пространное исследование «Отблески славы: Джон Беньян и английские диссентеры» (2002)²⁰. В этой книге он дает обзор контекста и исторической ситуации, в которой было написано последнее произведение Беньяна²¹.

Современная британская специалистка по детской литературе и педагог *Мери Трим* в 1993 году написала статью²², в которой выступила против широко

²⁰ Greaves R.L. *Glimpses of Glory: John Bunyan and English Dissent*. Stanford: Stanford University Press, 2002.

²¹ Ibid. P. 539–548.

²² Trim M. A Rediscovery of John Bunyan's Book for Boys and Girls // *International Review of Children's Literature and Librarianship*. 1993. Vol. 8. P. 149–167.

распространенного мнения о невысоких литературных качествах поэзии Беньяна, особенно на фоне его гениальной прозы. Она полагает, что Беньян имел хорошие поэтические способности, а то, что он использовал простые, «народные» стихотворные формы, представляло собой сознательный авторский шаг.

Британка *Фейт Кук* не относится к числу академических исследователей; она — христианская писательница, автор одной из лучших биографий Беньяна (2008)²³. В ней она уделяет много внимания его творчеству как детского автора, рассматривая «Книгу для мальчиков и девочек» в контексте событий той эпохи, касаясь в том числе и пуританской духовной культуры.

Пет Пинсент из Рохамптонского университета (Лондон, Великобритания) — автор статьи о «Книге для мальчиков и девочек» в научном сборнике «Поэзия и детство» (2010)²⁴. В статье предлагается общий обзор произведения, в котором, при этом, приводится множество ссылок на работы других авторов, что позволяет, читая всего одну статью, увидеть целую палитру мнений и оценок.

Профессор истории английской литературы университета Острова Принца Эдуарда (Шарлоттаун, Канада) *Шеннон Мюррей* известна благодаря своим статьям о детской поэзии Беньяна в и Кембриджском (2010)²⁵ Оксфордском (2018)²⁶ справочниках по этому автору. Мюррей считает стихи Беньяна не главными среди его детских произведений; ведущую роль здесь она отводит детским адаптациям «Путешествия пилигрима».

Следует также упомянуть британского педагога *Робина Барфилда*, который в своей относительно недавней статье (2022)²⁷ провел подробное исследование «Книги для мальчиков и девочек» в контексте христианского воспитания — как во времена Беньяна, так в наши дни.

О русском переводе этой книги

Работая над переводом этой книги Джона Беньяна, я ставил перед собой сразу несколько задач, решения которых зачастую вступали во взаимное противоречие.

Я хотел сделать передачу буквального смысла текста точной, настолько, чтобы итог мог хотя бы в малой мере претендовать на статус научного перевода. Для это я стремился переводить по принципу «строка за строку», а там, где это не представлялось возможным — «двустипье за двустипье» или хотя бы «предложение за предложение». Также я, за немногими исключениями, точно сохранял авторский размер и количество слогов в строке. К счастью, авторское

²³ Cook F. Fearless Pilgrim: The Life and Times of John Bunyan. Darlington: Evangelical Press, 2008.

²⁴ Pinsent P. 'Childish Toys' for 'Boys with Beards': John Bunyan's A Book for Boys and Girls // Poetry and Childhood / Ed. M. Styles, L. Joy, D. Whitley. Stoke-on-Trent: Trentham, 2010. P. 45–54.

²⁵ Murray S. A Book for Boys and Girls: Or, Country Rhimes for Children: Bunyan and Literature for Children // The Cambridge Companion to Bunyan / Ed. A. Dunan-Page. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 120–136.

²⁶ Murray S. Bunyan for Children // The Oxford Handbook of John Bunyan / Eds. M. Davies, W. R. Owens. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 650–664.

²⁷ Barfield R. John Bunyan's Solomonic Pedagogy // Christian Education Journal: Research on Educational Ministry. 2021. Vol. 19.1. P. 83–93.

невнимание к качеству рифмы избавило меня как переводчика от лишнего труда — в этом смысле русский текст даже несколько обогнал оригинал.

Второй задачей было как можно лучше раскрыть библейские аллюзии, которыми полна поэзия Беньяна. Основной сложностью тут было то, что привычный русскоязычному читателю Синодальный перевод Библии и английская Библия короля Якова, которой пользовался Беньян, достаточно сильно отличаются между собой по множеству параметров. Не самый маловажный из них состоит в разных культурных средах — потенциальные читатели Беньяна были хорошо знакомы со Священным Писанием. В итоге, там, где по-английски для намека достаточно одного короткого слова, по-русски аллюзию сложно понять без объяснений.

Наконец, я считал необходимым передать эмоциональный посыл каждого из стихотворений и получить в результате качественную поэзию на хорошем русском языке. Насколько это получилось, сложно судить объективно, так что остается лишь надеяться, что, по крайней мере, в некоторых случаях это так.

Стихи в сборнике имеют нумерацию, иногда двойную. Первая (или единственная) цифра — номер стихотворения в первом издании книги; цифра в квадратных скобках указывает на номер стихотворения в издании Оффора.

Завершая это предисловие, мне хотелось бы от всего сердца поблагодарить замечательного филолога и переводчика, кандидата философских наук Игоря Александровича Кошелева. Более четверти века назад он впервые познакомил меня с произведениями Джона Беньяна. В прошлом году Игорь Александрович обратил мое внимание на практически неизвестную мне до той поры «Книгу для мальчиков и девочек», что в конечном итоге привело меня к мысли о создании русского перевода этого произведения.

И отдельную, особую благодарность мне хотелось бы выразить Фонду переводов христианского наследия и лично его основателю Евгению Александровичу Жукову. Без его неоценимой поддержки эта работа никогда не смогла бы появиться на свет.

В.В. Чернов

К читателю

Любезный читатель,

Перед тобою книга для детей —
Взгляни, так и написано на ней.
Для девочек и мальчиков она
Была пером поэта создана.
Дитя иль отрок возраста любого
Уразумет этой книги слово.

Чудные времена теперь настали:
Взрослеть, похоже, люди перестали.
Мужчина бородат; его жена
Дородна и в корсет облачена.
Но присмотришь, и убедишься в том:
Они малы поведением и умом.
Наряды их нелепы, речь бессвязна,
Ведут себя смешно и безобразно.
Живут — как в игры детские играют,
Покуда годы мимо пролетают.
Весь день хохочут, пляшут да поют —
Как будто бы на сцену вышел шут.
Священник мудрый к ним придет с советом —
Ему насмешка станет лишь ответом.
Причина в том, что пастыри всё тщатся
К тем людям словно к взрослым обращаться.
Их слово ввысь вести могло бы душу —
Но низок тот, кто должен его слушать.
Как, мне скажи, мальчишку убедить
За книгу сесть, забавы отложить?

Вот потому-то, милый мой читатель,
Я и решил тем детям быть приятель.
Серьезность свою взрослую отрину,
И бороду седую в мусор кину.
Что б деточки смогли меня понять,
В игрушки с ними сяду я играть.

О, не спеши, прошу, читатель мой
Дарить меня за то насмешкой злой!
Я лишь хочу, чтобы дети возрастнее
Уразумели: их дела — лихие,
И то, что им приносит только смех,

Влечет с собой беду, и боль, и грех.

Апостол Павел глупым точно не был,
И знал — не съест младенцу корки хлеба²⁸;
Ведь там, где с разумением беда,
Уму потребна мягкая еда.
Помочь другому возрасти душою —
То дело есть священное, большое.
К познанию всех возможно привести,
Но быть должны посильными пути.
Конечно, важно не перестараться,
И самому, забыв, не заиграться.
Прильнув к земле, про небо не забыть,
Стишки слагая, правду говорить.
Я для детей пишу, признаюсь честно —
Но пусть и взрослым будет интересно.
Надеюсь я — хоть, может, слишком смело —
Что взрослый муж мое оценит дело.
Придется, видно, мне пораньше встать,
Чтоб тем и этим вместе угождать.

Конечно же, всегда найдется тот,
Что у меня погрешности найдет.
Да, есть умельцы, с кем в плетеньи слов
Такой, как я, тягаться не готов.
Где мера — вкус, безмолвен там закон.
Не люб тебе — не значит, что дурён.
Себя чужим пристрастиям покорять —
Невольником по доброй воле стать.

Пусть речь моя проста — уроки в ней,
Как спелый плод с божественных ветвей.
И если кто из малого сумел
Извлечь урок там, где иной не смел,
Зачем же отнимать сию возможность,
Взяв в оправданье страх и осторожность?

Премудрый Соломон, замечу я,
Глупцам велел пример брать с муравья²⁹.
Тем, кто летá расходует на зло,
Определял учиться у ослов,

²⁸ 1 Кор. 9.20–22.

²⁹ Прит. 6.6.

У ласточек, у полевых зверей³⁰,
Чтоб жизнь свою исправить поскорей.
Пусть мудрецам мой стих коробит слух —
Зато простец к нему не будет глух.
Простое сердце Бог Себе избрал,
И разуместь Себя ему Он дал.
Простой Его легко приемлет ум,
В ответ рождая много славных дум.
Я мог бы слог величественный взять,
Заставить мир себе рукоплескать.
Не удивить ни ближних, ни врагов,
Стреляя в небеса поверх голов.
Но будет похвалы достоин тот,
Кто метко стелы в яблочко кладёт.
Бывает, в незначительный предмет
Упрячет мысль великую поэт.
Герой Самсон разил врагов стремглав,
Не шпагою, а челюстью осла³¹.
Иль Самегару ты пенять бы стал,
Мол, ты не то оружие в битву взял³²?
Насмешки я услышу? Ну и пусть!
Ведь славе Божьей я служить стремлюсь:
Хочу помочь «младенцам» возрастным —
Перо мое подспорьем станет им.
Начнем с азов, с несложного весьма,
Что б спешкой сил не надорвать ума.
Тот, кто премудр, — не презирай простых.
Ты можешь быть пока мудрее их,
Острей умом, и в целом даровит.
Они пока что учат алфавит
И цифры первые, тем временем как ты
Начать успел примарий³³ и Псалтырь.
Но погоди, придет и их черед —
Их увенчают слава и почет.

1. Десять заповедей

1. Я — Бог. Иного нет, то твердо знай³⁴.

³⁰ Чис. 22.21–33, Иер. 8.7.

³¹ Суд. 15.15.

³² Суд. 3.31.

³³ Примарий (лат. *primarium*, англ. *Primer*) — в позднем средневековье — небольшой молитвослов для мирян с элементами катехизиса, иногда содержавший основы грамматики и арифметики; ко временам Беньяна примарий утратил свою религиозную составляющую, превратившись в букварь — учебник грамоты для детей.

³⁴ Исх. 20.2–17; Втор. 5.6–21

2. Пред **идолом** колен не приклоняй.
3. Не пачкай имя Божье суетой.
4. В субботний день храни покой святой.
5. Отцу и матери ты честь спеши воздать.
6. И мысль оставь другого убивать.
7. Храни себя, не будь прелюбодей.
8. Хоть голодай, но воровать не смей.
9. Не лги в суде и ближних не порочь.
10. Завистливость гони далёко прочь.

2. Покаянные размышления ребенка утром

1

Адама дьявол обдурил,
И жизни через то лишил.
А я с ним это разделил —
Рожден был грешным и грешил.

2

Нагим родился я на свет,
В нечистый грех я был одет,
Душа моя кричала «Нет!
Сколь много в жизни будет бед!»

3

Рос, креп во мне нечистый грех,
И пропитал меня, как всех.
А я лишь всё спускал на смех,
Душе своей ища утех.

4

Мне грех — и радость, и беда,
В уме он царствует всегда,
Я к Богу прихожу когда,
Молитву стыдно мне воздать.

5

Грехом я стал весьма богат,
Но в сердце боль, крошечный ад.
Меня кошмары обстают,
И дух мой ужасом объят.

6

Господь меня напрасно звал,

Но грех мне уши затворял,
Греху я время отдавал,
А дух мой бедный горевал.

7

Грех, как чума, меня свалил,
Я им до края полон был,
Господню милость я забыл,
Боюсь, я Богом проклят был!

8

Я словом Божьим пренебрёг,
Совет других терпеть не мог,
Себя страданиям обрёл,
Нет оправданья, близок рок!

9

Лишь видел я других детей,
Бросал работу поскорей,
Бежал я к ним искать затей,
Отрекшись Бога для страстей.

10

Когда бы Бога я любил,
То грех бы свой давно забыл,
И страх вины, что в сердце жил,
Меня б во тьму не погрузил.

11

О, если б к Богу я воззвал,
Он мне бы милость даровал,
Болезнь далёко бы прогнал,
И я б тогда здоровым стал.

12

Но я счел истину за вздор,
А ложь любил, как деньги — вор,
Любил разлад, любил позор,
В пути спасенья не был скор.

13

Про Бога не хотел и знать,
Стыдился Библию читать,
Ведь я отвергнул благодать,

И жил, как лишь свинье под стать.

14

Порой я силы собирал
И к Богу как Давид взывал³⁵,
«Дай сердце чистое!» — кричал,
Но грех меня препобеждал.

15

Я суету одну любил,
От Бога сердце отвратил,
Про благодать совсем забыл,
К ее дарам глухим я был³⁶.

16

Когда б я Господа молил,
Когда б я грех пред Ним излил,
Он милость дал бы мне и сил,
Я грех меня бы не сгубил.

17

Врата закрыты, меркнет свет,
Завален путь, не виден след,
А кто стучался — толку нет,
Им Бог смеялся лишь в ответ³⁷.

18

Ведь Бог для них был звук пустой,
Манил их только грех лихой,
Над словом Библии святой
Звучал их смех нечистый, злой.

19

Хочу нечестие забыть,
И к Богу сердце обратить,
Страдальцем более не быть,
И честно жизнь свою прожить.

20

³⁵ 4 Цар. 11 гл.

³⁶ Букв. «И не использовал, как следовало, Средства благодати». Под «средствами благодати» имеются в виду видимые действия, через которые Бог подает человеку благодать — чтение Библии, слушание проповеди, участие в церковном богослужении и т.п.

³⁷ Букв. «Но Врата Милосердия закрыты, И тот путь перекрыт; А те, кто стучались в них, — Бог над их воплями насмехался». Почему Бог так поступил — объясняется в следующем куплете.

Так к благодати я взывал,
Что б Бог мне милость даровал,
Прощение грехов мне дал,
И я б с одра болезни встал.

21

Ведь тот, кого Он исцелил,
В кого Свое прощенье влил,
И к новой жизни воскресил —
Тот Им возлюблен явно был.

22

И хоть меня терзает грех,
Мне даруй мир, Спаситель всех!
Ты смерти сокруши доспех,
Печаль мою сменив на смех.

23

Ты был за грешников распят,
За злых разбойников проклят.
Теперь не страшен больше ад —
Твоей любовью я объят.

24

Тебя я, Боже, огорчил,
Но ты меня за то простил,
И жизнь мне, грешнику, продлил,
О, если бы спасен я был!

25

Мне покаяние подай,
И веру крепкую всегда,
И счастья не отнимай,
А грех навеки обуздай.

26

Тщеславье, гордость отними,
Пусть глупость не наполнит дни,
Ярмо их Ты с меня сними,
Ведь ненавистны мне они.

27

Я сам себя перехитрил,
Греху себя поработил,

Меня бы в рай Господь впустил,
Но я его себя лишил.

28

Но Бог по милости Своей
Мне продлевал течение дней,
И, будучи греха сильней,
Меня избавил от теней.

29

Господь! Меня Ты не гони,
И в милости своей прими,
До смерти в вере сохрани,
Любовь Христа пусть полнит дни³⁸.

3 [4]. Мысли о яйце

1

Яйцо твердó, и не птенец оно
Доколь ему дыханье не дано.
Так человек, пусть крестик носит он, —
Мертвец, покуда свыше не рождён³⁹.
Птенца рождает птицы теплота,
А грешника спасает кровь Христа.
Подрос внутри птенец, спешит родиться.
Ему яйцо теперь не дом — темница.
Так и душе, воскресшей со Христом,
Плоть немощная — узы, а не дом.
Пищит цыпленок, словно бы от боли,
Из скорлупы спеша уйти на волю.
Так человек — он плачет и стонет,
Как смерть его от тела разлучает.
Лисы страшится маленький птенец,
А для души смерть — горестей конец.

2

Не пользуется наседкино тепло,
Коль изнури яйцо уж умерлó.
Так человеку, что тайком грешит,
Благочестивый не поможет вид.
Яйцо, коль порчей тронута оно,
Разбившись, смрад точить обречено.

³⁸ 2 Кор. 5.14.

³⁹ Ин. 3.3.

3

Бывает же, что не птенец — змея⁴⁰
Выходит из яйца, скажу вам я.
О человек! Порой дела твои
Злей во сто крат, чем жало у змеи.
Яйцо иное породит сыча,
Что прочих птиц пугает по ночам.
Бывают люди им сродни во всём —
Лихи повадкой и в ночи, и днём.
И муравьи — те тоже из яиц
Родившись, суеются дни свои.
Им те близки, что тратят все года,
В пустых делах мечась туда-сюда.
То всяк рождает, чем родился сам,
Кто тьму и грех, кто тягу к небесам.
И камню уподобится яйцо,
Доколь в свой срок не оживет птенцом.

4 [6]. Молитва Господня

Отец наш, сущий в небесах⁴¹,
Святится Твое имя,
И воля будет пусть Твоя —
Что б всем нам стать святыми.
Молений Ты не отвергай
Детей Своих,
И хлеб насущный им подай
Ко благу их.
Как мы прощаем долг другим,
Прости Ты, Отче, нас.
И в искушеньи помоги,
Избавь в тяжелый час.
Пусть будет с нами благодать
И Твой покров —
Дай в Царстве нам Твоём сиять
Во век веков.

5 [7]. Предрассветные мысли

В рассветной дымке можно ли сказать,

⁴⁰ Англ. cockatrices, букв. аспиды. Ис. 59.5.

⁴¹ Мф. 6.9–13, Лк. 11.2–4.

Продлится ночь иль утра ожидать?
Порой во тьме едва забрезжит свет:
Встает ли солнце иль покуда нет?
Так мыслят те, кто веру обрели,
Те, кто свой путь к Христу едва нашли.
Сомненье и надежда — брат с сестрой —
Им точат сердце утренней порой.

6 [8]. Камень в ручье

На дне ручья, где с солнцем спорит тень⁴²,
Лежит, не зная времени, кремнь.
Над ним кружится вечный небосвод,
Вокруг журчит хрусталь холодных вод,
Но ни вода, ни теплота луча
Во век веков кремнь не размягчат,
Во век веков не сокрушат его
Крепчайшее на свете естество.
Удел кремня — хранить опасный жар.
Ударь его — и вырвется пожар,
Взметнутся искры в яростный полет,
Всё, что гореть способно, полыхнет.

Мораль

Кремню в ручье я уподоблю тех,
Кто твердо, безрассудно любит грех.
Ни теплый луч, ни чистая вода
Им жизни не подарят никогда.

7 [9]. Рыбка и вода

1
Для рыбки жизнь — прохладная вода.
На суше скоро ждет ее беда.
Но те, кто любят грех сильнее, чем жить,
На смерть готовы, только бы грешить.

2
Для рыбки жизнь — прохладная вода.
В обмен на это что ей можешь дать?

⁴² В стихотворении можно усмотреть несколько косвенных библейских отсылок: каменное сердце упорного грешника (Иез. 36.26), слово Божие как вода (Еф. 5.26), враждебность «естественного человека» к Богу (Рим. 8.7).

Так рассуждают те, кто со Христом:
«Что мне весь мир? На небесах мой дом».

3

Для рыбки жизнь — прохладная вода.
В ней рыбка будет счастлива всегда.
Для тех, кто верен, счастье — это Бог.
Он — путь, Он — смысл, Он — жизни всей итог⁴³.

8 [10]. Вольная птаха

О, птаха вольная! Тебе судьба дала
Для песен — голос, для небес — крыла⁴⁴.
Я ей подобен. Вера — мой полет,
Сомнений нет, когда душа поёт⁴⁵.

9 [11]. Пчела

Пчела летает, мед домой несет,
Но жалит всех, кто тронет этот мед.
Коль сладость хочешь ты заполучить,
Тебе придется ту пчелу убить.

Мораль

В сей басне пчелка — это тяжкий грех,
Что смертью жалит ищущих утех.
Грех умертвить, христианин, спеши⁴⁶,
И радостью во век веков дыши.

10. Символ веры

Я в Бога верую Отца⁴⁷,

⁴³ Ср. Авв. 3.17–18, Флп. 3.8, Пс. 72.25.

⁴⁴ Ср. Ис. 40.31.

⁴⁵ Ср. Пс. 40.3.

⁴⁶ Рим. 8.13, Кол. 3.5.

⁴⁷ Стихотворение представляет собой переложение Апостольского символа веры широко используемого в богослужебной практике большинства Церквей западной традиции — католиков, англикан и протестантов. Ради рифмы и лаконичности Бенъян допустил в нём сомнительное с точки зрения христианской ортодоксии утверждение, касающееся Иисуса Христа — «Was dead and buried; and yet / Believe he never dy'd» (букв. «Он умер и был погребен, но / я верую, что Он никогда не умирал»). Понимая это, автор снабдил стихотворение маргиналией, в которой отметил, что эти слова следует понимать как относящиеся только к Божественной природе Христа.

И в то, что Божий Сын,
Для нас от Девы родился,
Пребыв с Отцом един.

Как человек, Он был распят,
В могиле погребен,
Но смертью Он не мог быть взят,
Как Бог, не умер Он.

Лишь в третий день взошла заря —
Он встал, как ото сна.
И приняла Его, Царя,
Небесная страна.

Оттуда Он придет судить
Живых и мертвых — нас.
И приговор всем объявить
В последний мира час.

Я верю, Дух в урочный миг
Сошел с небес огнём.
И Церковь Божию воздвиг —
Наш общий, вечный дом.

Я верю, милостив Господь,
И нам простится грех,
Исчезнет смерть, воскреснет плоть,
Беду заменит смех.

11 [12]. Облачное утро

День, наступая, дарит облака —
То мрачные, то цвета молока.
Будь острожен, путник! На пути⁴⁸
Ждет снег тебя иль долгие дожди.

Но солнце их лучами согревает,
Кровавым цветом словно бы венчает.
Льет теплый дождь на поле и на лес,
Как-будто из очей потоки слез.

Мораль

⁴⁸ Ср. Евр. 11.13.

Благая Весть, как ясный день, для всех
И мир дарит, и обличает грех.
Плачь, человек, о нём! Твоей защитой
Да будет кровь, что на кресте пролита.

12 [13]. Пустой лоск

На ум я не могу порой принять
Как многим удается сочетать
С порядком в доме, с внешней красотой
Дух безответный, мелочный, пустой.

В саду у дома розы хороши,
Но лишь полынь растет в саду души.
Наружность о здоровье говорит,
Но всё грехом изъедено внутри.

Не может дорогой одеколон
Тот смрад забить, что источает зло⁴⁹.
С иголки изысканный костюм
Не может заменить ни честь, ни ум.

Несут для тела лакомства на блюде,
А душу морят голодом те люди,
Ее лишая даже корки хлеба.
Живя землей, знать не хотят про небо...

Снаружи — лоск, внутри — тоска и стыд.
Сколь часто лжив бывает внешний вид⁵⁰!

13 [14]. Мысли при свете свечи

Любой из нас — подобие свечи⁵¹,
Что светит на подсвечнике в ночи.
И тьма греха порой царит над нами,
Как над свечой, что не венчает пламя.

⁴⁹ Англ. That can their crying souls with hogs'-meat quiet, букв. ...что могло бы заглушить плач их души свинским кормом. Это аллюзия на жизнь блудного сына, который питался одной едой со свиньями (Лк. 15.15–16).

⁵⁰ Ср. Мф. 23.27–28, Лк. 11.39.

⁵¹ В русском переводе свеча восковая, однако в английском оригинале речь идет о сальных свечах — наиболее дешевых и доступных в эпоху Беньяна. В первом издании «Книги» это стихотворение идет под номером «12» — как и предыдущее. Опечатка ли это или уступка распространенному в те времена суеверию — неизвестно.

Как человек себе не в силах дать
Спасительную Божью благодать,
Так и свеча, чтоб засветить, должна
Чужой рукой извне быть зажжена.

Хозяин свечки жжет, когда желает —
Так Бог кого избрал, того спасает.
Тем ярче свет, чем в свечке воск жирней —
Вот и средь зла Бог светит лишь сильней.

Свечи работа — свет дарить по кругу.
Христианин! Свети врагу и другу.
Зачем свеча, что тлеет, не горя?
Зачем тот дар, что тратится за зря?

Как не зажги свечу, хоть с середины
Ничем не переменишь ты картины:
Вниз огонь идет, хоть наверху пылает —
Так веру в сердце слух сперва рождает.

Но благодать, та, что дарует вера,
В глубинах сердца достигает меры.
Внутри у свечки — хлопчатая нить,
Фитиль, что призван пламя возрастить.

Но сам фитиль без воска не горит,
Ведь он — как сердце, скрытое внутри.
Во многих, я скажу вам, плоти сила
К добру пристав, всё зло препобедила.

Подует ветер — пламя всколыхнется,
И закоптит, и словно бы сожмется.
Вот так и мы, хоть на слова лихи,
Чуть что дрожим и падаем в грехи.

Как тать ночной в жилище проникает,
То первым делом свечку задувает.
Трудны при свете темные дела,
Добро с собой не терпит рядом зла.

Велик фитиль — и копоть набегает,
А слишком мал — огонь сквозняк сдувает.
Что бы беда такая не стряслась,
Всегда следи за свечкой, не лентясь.

Но даже если вдруг свеча угасла,
Не плачь о ней и не горюй напрасно.
Отчаянью предаться не моги —
Возьми огонь и вновь ее зажги!

Христианин! Всегда будь в мире этом
Свечой, что тьму рассеивает светом.
Угаснешь ты — и воцарится мрак,
Восторжествует вековечный враг.

Блаженны те, чей воск пылает ярко,
О тех, что предан тьме, и вспомнить жалко.
Но в мире есть еще такой обман:
Взять свет, и спрятать словно бы в карман.
Те, кто добро, имея, укрывают,
И чёрта злят, и Бога искушают.

Огонь свечи не может быть во вред,
Его во тьме ночной прекрасней нет.
Вот так и жизнь святых подобна свету —
Ее желанней мрачном мире нету.

Но час приходит, свечка догорает
Последний вспыхнет раз — и умирает.
О человек! Помысли смертный час,
Пока твой огонь навеки не угас.

Растает дым, свечи как не бывало.
Но человеку смерть — то лишь начало.
В чьем сердце Бог возжег предвечный свет,
Ни гибели тому, ни мрака нет.

14 [15]. Таинства

Два таинства нам Бог наш даровал⁵² —
Крещение и святое причащение.
Что б всякий, кто душой их принимал,
Наследовал небесное спасенье.

⁵² С одной стороны, Беньян разделяет учение Церкви Англии и большинства протестантских Церквей о двух таинствах; с другой — он не считает крещение и причащение совершенно необходимыми для спасения. Подробнее см. комментарий к этому стихотворению Г. Мидгли (содержит цитаты из соответствующих работ Беньяна): *The Miscellaneous Works of John Bunyan: In 13 vols. Vol. 6: The Poems* / Gen. ed. R. Sharrock, ed. G. Midgley. Oxford: Clarendon Press, 1980. P. 335–336.

Однако ж не дерзни подумать ты,
Что хлеб с вином или вода в купели,
Тебя от клятвы горестной спасти
Без веры, без раскаянья сумели.

15 [16]. Отблески солнца на облаках ясным утром

Вот облака в час раннего утра:
Их ризы — шелк в узоре серебра.
Как будто золотого солнца лик
Свою красу даруя, к ним приник.
Они клубятся, и небесный храм
Полнят собою, словно фимиам.
И потому я уподоблю их
Молениям бесчисленных святых⁵³.

16 [17]. Платье

Бог платье дал нам наготу прикрыть⁵⁴,
Но мы и в платье позабыли срам.
Камзол готовы подлостью расшить,
Чтоб подлецы рукоплескали нам.

17 [18]. Грешник и паук

Грешник

Что ты за тварь, уродлива, черна?

Паук

Я пауком зовусь.

Грешник

Да, ты паук. Вот мерзость во плоти!

⁵³ Откр. 8.3–4 («И пришел иной Ангел, и стал перед жертвенником, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который перед престолом. И вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Богом»). В стихотворении картина может представляться благостной, но согласно сюжету Откровения непосредственно вслед за этим на мир обрушиваются семь страшных кар. Можно предположить, что и у Беньяна данный образ говорит о предчувствии автором тяжелых времен — тема, которая в ему в принципе близка.

⁵⁴ Быт. 3.21.

Паук

Не хуже я тебя, как ни крути.
Меня таким явил во дни творенья
Сам Бог, тебе дающий искупление.

Грешник

Я — человек по образу Творца,
Душа моя не ведает конца.
Бог дал мне ум и волей наделил:
Хуля меня, ты Бога похулил.
Во мне сияет вечный Божий свет,
Кто на меня — тому прощенья нет.

Паук

Я знаю, ты величием наделён,
И чту тебя, как мне велит закон.
Однако же, хоть Бог тебя прославил,
Его в ответ ты предал и оставил.
Сейчас молчи! Грех царствует в тебе.
Ты — с Богом и с природою в борьбе
Его утратил образ, зверем стал,
Всё, что имел — бездарно растерял.
Ум затуманил, чистоту отверг,
И тем себя проклятию подверг.
Что ж до меня — свое я место знаю,
И за твою гордыню лишь страдаю⁵⁵.

Грешник

Уродец жалкий! Яда полон ты,
В тебе слились все худшие черты
Природы, что тебя произвела,
И ненависти общей обрекла.

Паук

Бог повелел, что б был я полон яда,
Ты ж сам себя предал в утробу ада.
Но, хоть достоин ты за то презренья,
Я чту тебя как Божие творенье.

⁵⁵ Ср. Рим. 8.22.

Ты скажешь про меня: «Сколь жалок он!»
Тогда как грех твой дьяволом рождён.
Моё ты ненавидишь естество,
И тем хулишь Создавшего его.
Яд горький дал мне Бог для пропитанья,
А сласть греха несёт тебе страданья.
Я не грешил, а что мне скажешь ты,
Кто был грехом низвергнут с высоты?
Я для еды, бывает, убиваю,
Но воли Божьей тем не преступаю.
Ты ж, вопреки закону зло любя —
Друг сатане, враг Бога и себя.

Грешник

Неужто отрицать теперь мы будем,
Что пауки весьма противны людям?
Беги же прочь, урод, пока живой,
Иль просто раздавлю тебя ногой!

Паук

Уродлив тот, кто покорен грехом,
Кто как осёл — а грех на нём верхом.
На Бога злость твоя, себе признайся,
И с пауком безвредным не ругайся.
Не я в твоём несчастье виноват,
Грех собственный — тебя губящий яд.
Постой же, не спиши меня убить,
Тебе, смогу, быть может, подсобить.
Коль Бога не страшишься ты пока,
Тебе ль, скажи, бояться паука?
Порой же, знай, и малое созданье
Творить способно славные деянья.
Так слушай же! Ты добрым создан был,
Но, пав душой, весь изнутри прогнил.
Лишился ты и разума, и воли,
Как прокаженный, ты не знаешь боли.
И только прикоснешься ты к чему,
Всё доброе вмиг обратишь во тьму.
Твоим тиранством вся природа страждет,
И чуя зло, его избегнуть жаждет.
Не затыкай ушей: да, это ты
Лишил творенье Божье красоты.

Убойся ж воздаянья! Но пока
Послушай лучше слово паука.
Я паутину тку — ты ткёшь грехи,
Дела сплетая, злобны и лихи.
Как муху сеть паучья уловляет,
Тебе тенета ада угрожают,
Спешат тебя опутать, словно сеть,
Чтоб в них тебе навеки умереть.
Мое жилище — темное оно,
Так и в аду неведомо, где дно.
В засаде я скрываюсь, не дыша —
Так бесы ждут, чтоб стала их душа.
Но вот бросок, укус — и нет спасенья,
Когда оставил Бог — пусты моленья.
Жужжать ты сможешь, выбраться — прости.
Любил грешить? Ну что ж, теперь плати.
Что, нравится тебе? Или опять
Меня ты станешь злобно проклинять?

Грешник

Постой, постой. Не чаял я такого,
Что б паука меня задело слово.

Паук

Тогда продолжу. Может, мой рассказ
Припомнишь ты в тебе потребный час.
Я страшен, ядовит — и тем с тобой
Весьма я схож. Не веришь, милый мой?
Мои бывают суетны метанья —
Как и твои, спешащий на страданье.
Я выхожу на дело лишь во тьме —
Ты любишь тьму, и тем подобен мне.
Рвут мои сети, прибирая дом,
А я сплетаю новые потом.
Так вот и ты: покаяться решишь,
И тут же пуще прежнего гресишь.
Сеть ловит мух, но защитит меня
Она не может с наступленьем дня.
Что ж защитит тебя в последний день,
Когда в лучах навек растает тень?

Грешник

Твои слова — как молния и гром!
Не стоило мне спорить с пауком.

Паук

Еще послушай — больше станешь знать.
Хочу тебе я тайну рассказать
И тем большую пользу принести.
В ад, милый мой, четыре есть пути,
И то, как я везде сплетаю сети —
Иносказанье про дороги эти.
Поставлю паутину у окна я —
Чтоб знал ты: свет проклятью не мешает.
Затем — в углу, что б показать, что мрак
Погибели и дьяволу не враг.
Для тех, кто явно предается злу,
Раскину паутину на полу.
А на шкафу, или еще повыше,
Для лицемеров, тех, кто врет, как дышит.
К чему, скажи, Евангелия свет,
Коль следовать ему охоты нет?
Я прячусь, когда жертву поджидаю,
Повадкой сатану напоминая.
А коль боюсь добычу потерять,
Спешу ловушек больше расставлять.
Мечусь, скачу, наматываю нить,
Чтоб муху юркую угомонить.
Но коли даже нить не помогает,
Тогда укус мой ядом наполняет
Добычу. Так и дьявол, что есть сил,
Мятется, коли душу подловил.

Грешник

Не умолкай же, мудрое творенье,
Твой горек яд, но он несет спасенье.

Паук

Пусть я паук, но жить могу в палатах⁵⁶,
Где царь сидит, где всё сияет златом.
Не спросят паука, мол, кто такой?

⁵⁶ Прит. 30.28.

Путь невозбранно я продолжу свой
И, стражу миновав, пройду, не званный,
По потолку, по стулу, по дивану,
И вот уже передо мною трон —
Я знаю, для меня поставлен он.
Какой закон мне может воспретить
По царскому седалищу ходить,
Подслушивать за тайными делами,
И наблюдать беспечно за балами?
Так, хоть я на придворных не похож
Вельможей стану жить среди вельмож,
И, с высоты, что я дерзнул занять,
Их славу и паденье наблюдать.
Ну что, смог обойти тебя паук?
Тебе не хватит на такое рук!
Но есть и для тебя в палаты дверь —
Христос Спаситель, только лишь поверь⁵⁷.
Через Него входи, минуя стражу —
Тебя Царь за такое не накажет.
Откройся перед ним — простит он грех,
Печаль твою переменит на смех,
Беда уйдет, останутся отрады,
Не станет к счастью для тебя преграды.
Я полон яда, ты же полон злобы,
Но можем мы к Царю явиться оба.
Ты грешник, но тебе помочь хочу —
Тебя я крепкой вере научу.
Ведь вера — это путь к великой славе,
Что дарит Царь по всей своей державе.
Ступени, что к дворцу ведут, круты —
Не пожалей же силы на труды.
Я тоже, коль закрыто, щель ищу,
А не найдя мгновенно, не грущу —
Ползу бочком и к стенке прижимаюсь,
С усилием в палату пробираюсь,
Туда, где слава, где высокий трон —
Любых трудов, поверь, достоин он.
Стучи — тебе ворота отворят.
Кто не стучится, сам и виноват.
Здесь Царь тебя встречать с улыбкой будет,
И, хоть ты мерзок видом, не осудит,
Как некогда хулить ты принялся
Меня, что пауком я родился.

⁵⁷ Ин. 10.7.

Ну разве, вопрошу тебя я снова,
Я заслужил ругательного слова?
Бог нас обоих сотворил, любя,
И по любви послал ко мне тебя.
Иди ж, и помни, как тебя паук
Наставил, как избежать адских мук.

Грешник

Прости меня, паук, задиру злого,
Я был глупцом, тебя обидев словом.
Твой страшный вид и твой смертельный яд
Мне показали, сколь ужасен ад.
И, хоть живешь ты сам, сливаясь с тенью,
Пример твой — путь для грешника к спасенью.
Спасибо, что наставил дурака.
Учитесь, люди, вы у паука!

18 [19]. Размышление о дне в преддверие заката солнца

«Не уходи! Твой свет, твои лучи
День освещают, гонят тьму ночи!
Не уходи! Ведь ты несешь тепло
И правду, что от нас скрывает зло.
Не уходи! Ты лед наш растопил.
Останься! Без тебя нам день не мил».
Коль благодать тебя коснулась раз,
Как трудно без Христа прожить хоть час...

19 [20]. Крот

Крот землю роет, но над ней не властен,
Себе не может взять и малой части.
Таков и миролюбец — за работу
Он награжден лишь немощью да потом.
Нора — крота жилище, в ней он дома.
Жизнь наверху кротишке не знакома.
Ему подобны те, кто, что есть сил,
Всю жизнь мирским заботам посвятил.
Слепой зверек! Свет солнца и луны
Тебе не дарит радость с вышины.
Несчастен ты. Но много жальче тот,

Кто добровольно стал так слеп, как крот.

20 [21]. Кукушка

Что ты умеешь, разве куковать?
Одно и то же вечно повторять?
Малиновка — и та поет милей,
Чем ты, неугомонный дуралей.
У рода твоего одна лишь страсть:
«Ку-ку» кричать, да в гнездах яйца красть.
Весна идет — как много красоты!
Ее другие славят, но не ты.
Другие птицы, хоть малы они,
Но до весны отсчитывают дни.
И лето не спешишь ты проводить.
Ничем, видать, тебе не угодить.
Лети же прочь! В тиши осенних дней
Мы отдохнем от песенки твоей.
Но нет, покоя нам не знать нигде:
Кукушки есть, увы, и среди людей.
Им также не мила совсем весна,
Их песенка занудна и скучна,
Одно лишь знают на своем веку:
Юнцов дурачить да орать «ку-ку».
Законник⁵⁸ мрачный! Прочь от гнезд чужих!
Противен ты для тех, кто строил их.

21 [22]. Мальчик и бабочка

В пыли дорожной, словно ураган⁵⁹,
За бабочкой несется мальчуган.
Ему она одна в минуты эти
Милей, чем все сокровища на свете.
Она к себе мальчишку словно тянет,
Как волшебством его влечет и манит.

⁵⁸ Англ. formalist. У Бенъяна это слово обычно направлено на критику отрицательной стороны пуританства — приверженности формальной «праведности» в ущерб личным отношениям с Богом. С точки зрения автора, «законники» или «формалисты» просто паразитируют на глубоких духовных потребностях людей.

⁵⁹ В стихотворении можно заметить косвенные отсылки к библейским темам суеты и скоротечности любых мирских наслаждений (Еккл. 1.2; 1 Ин. 2.15,17), младенчества как духовной незрелости (Еф. 4.14), колючих кустов как метафоры жизненных трудностей (Быт. 3.18), и, главное — неразумного усердия, с которым люди добиваются пустых и мимолетных вещей (Прит. 23.5). В погоне за суетой («пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего» (1 Кор. 7.31)) взрослые и якобы мудрые люди уподобляются неразумным детям («народ Мой глуп, не знает Меня: неразумные они дети, и нет у них смысла; они умны на зло, но добра делать не умеют» (Иер. 4.22)).

Он мчит ей вслед, пути не разбирает,
Ему колючки ноги раздирают,
Он падает, встает, и вновь бежит —
Всё бабочку поймать он норовит.
Зовет друзей, усталости не чуя,
На праздный труд и суету пустую.

Мораль

Мальчишка этот означает тех,
Чей смысл жизни — в поиске утех.
А бабочка нам всем напоминает,
О том, как радость скоро улетает;
Как бабочки цветастое крыло
Явилось счастье, и уже прошло.
За ним бегут и не жалеют силы,
Доколе не упрутся в край могилы.
Но людям это недосуг понять:
Им лишь бы вслед за бабочкой гонять.
И даже те, кто старше и мудрей,
Всё ж не чужды мальчишеских затей.
К себе манит их суета мирская,
Ее они то ищут, то теряют.
Вотще, скажу вам, годы протекли,
Коль разума с собой не принесли.

22 [23]. Мушка и свеча

«Эй, мушка глупая, зачем ты рвешься в бой?
Зачем с горящей споришь ты свечой?
С огнем бороться станет лишь глупец:
Опалишь крылья ты, и всё, конец».
Но мушке не понять мои слова,
Хоть в этой битве ставка — голова.
И снова мчит в огонь, как на врага.
Иль вовсе мушке жизнь не дорога?
Но и свеча не хочет отступить,
Она стремится мушку подманить.
Удар, бросок — и сбита с ног она,
Лежит плашмя, огнем поражена.
Пришла в себя летунья — и вперед!
Последний бой с огнем ее зовет.
Свеча ж шутить не стала в этот раз —
Спалила мушку пламенем тотчас.

Мораль

Свеча в сей басне означает свет
Евангельский, которым мир согрет.
А мушка — тех, кто сердцем грех любя,
И Бога ненавидит, и себя.
Благая весть тем людям — западня,
Их губит свет и теплота огня.

23 [2]. Жаворонок и птицелов

Ты, птичка глупая, здесь лучше не играй⁶⁰ —
Ловец коварный близко, так и знай.
Смотри, смотри! Он уж раскинул сеть.
Шагнешь к нему — тебе не улететь.
Вот степь широкая — тут воля и простор:
Скачи, резвись, вступая с ветром в спор!
Неужто променять ты всё смогла
На блеск обманный битого стекла⁶¹?
То лишь уловка! Солнце свет дарит —
В стекляшке яркой луч его горит.
Взлетай скорей, к светилу устремись —
Внизу — лишь смерть, спасенье — рваться ввысь.

Ловец свистит? То льстивый, ложный зов:
В манок свой дует хитрый птицелов.
А птичка в сетке, хоть жива она,
На весь свой век в неволю отдана.
Не верь ловцу! Лишь схватит он тебя,
Всего лишишься, будешь жить, скорбя.
Лети ж скорей, спеши, спасайся прочь,
Иль сеть тебя поглотит, словно ночь.
Тебе ль, скажи, природа не дала
И око зоркое, и легкие крыла?
Зачем же ты, отрекшись от всего,
Спешишь в силки убийцы своего?
Твоя судьба — возвышенный полет,
Там, в небесах, душа твоя поет.
Убойся же паденья с высоты,
Земля — не дом для птиц, таких, как ты.

⁶⁰ Образ птицы и силков неоднократно встречается в Библии (Пс. 123.7, Пс. 90.3, Прит. 6.5).

⁶¹ Блестящие осколки стекла использовались как приманка (см. The Miscellaneous Works of John Bunyan: In 13 vols. Vol. 6: The Poems / Gen. ed. R. Sharrock, ed. G. Midgley. Oxford: Clarendon Press, 1980. P. 337).

Мораль

Ловец тот — бес. Не верь ему — он лстец,
Его приманки — это твой конец,
Поддельный звук, ненастоящий свет —
В них ни добра тебе, ни счастья нет.
А птичка, что бездумно скачет в сеть, —
Не хочешь в ней себя ль ты усмотреть?
Мораль сей басни проще простоты —
Искусной лжи не поддавайся ты,
Стремясь туда, где ввек бессильно зло.
Пускай ни с чем уходит птицелов.

24. Откормленный хряк

Ты, малый, видно, вволю ел и пил!
Хозяин, зная, зерном тебя кормил
Так, что теперь ты знатно разжирел.
Помои? Ты на них и не глядел!
Помои — то для тощих поросят:
Глянь, как они отведать их хотят.
Хозяин твой поесть тебе принес,
А ты ему в ответ воротишь нос,
Ворчишь, фырчишь, не смотришь на корыто,
Да хрюкаешь, мол, не по мне наливо!
Убавь же спесь, не раздувайся так —
Хоть ты разъелся, ты всего лишь хряк.
Ты горд собой, но вот настанет миг —
Придет с ножом забрать тебя мясник.
Мясник свою работу славно знает —
Свинячий визг его не испугает.
Хоть ты силён, да только он сильнее.
Таков, скажу тебе, удел свиней.

Мораль

Бывает, человек иной похож,
На хряка жирного, готового под нож.
Нет совести своей, а от другого
Никак не хочет слышать правды слово.
Что Бог ему? Он знает Его не знает,
И так, в грязи греховной, умирает.

25 [24]. Восход солнца

Гляди, как солнце⁶² в свой урочный час
Свой лик нам кажется, светом греет нас.
Всё выше восходя, царит над нами —
Пронизан целый мир его лучами.
И там, где стяг его вознесся смело,
Не скроется во тьме ни путь, ни дело.
Когда заря вдали едва горит,
Ее лишь зоркий взором разглядит.
Но в полдня час, когда сбегает тень,
Всяк знает, что не ночь сейчас, но день.
И око видит то, и сердце верит,
И лжи людской навек закрыты двери.
Так и Христос, душе Себя явив,
Сомненья рушит заревом любви.

26 [25]. Яблоня и ее плоды

Не часто встретишь столько красоты,
Как в яблоне, наряженной в цветы.
И будет лишь прекраснее она,
Плодами юными облачена.
О, вид твой, яблоня, еще бы лучше был,
Коль каждый плод до спелости дожил.
И уж совсем бы дивно, коли он,
Став сладок, был червем не поврежден.
Увы, но совершенства в жизни нет:
Похолодало — и опал весь цвет.
А если вдруг и завязался плод,
Засушит зной его иль червь пожрёт.
Те ж яблоки, что малость налились,
Осыпались, лишь ветры поднялись.
И как в начале был прекрасен вид,
В конце немного яблочек висит.

Мораль

Мораль проста: та яблоня в цвету —
Как человек в Божественном саду.
Цветы — задумки добрые. В дела

⁶² В английском оригинале автор именует солнце латинским словом «Sol», хотя английское «Sun» вполне подошло бы по стихотворному размеру.

Им не дал превратиться сердца хлад.
А завязь, что погибла на ветру —
То устремленья тщетные к добру.
Плоды, что черви съели изнутри,
Делам подобны нашим — посмотри!
Хотели блага мы, что было сил —
Но грех, как червь, всё это подточил.
Бывает, ураган житейских бед,
Всё доброе, что есть, сведет на нет,
Так яблони еще не зрелый плод
Внезапный ураган с ветвей сорвет.
Но присмотришься — и сможешь видеть ты,
Есть все ж среди листьев спелые плоды.
Жаль, но не всё, что пышно расцвело,
Дойти до полной спелости смогло⁶³.

27. Вестовой

Посторонись! Дорогой столбовой
Пустив в галоп, несется вестовой⁶⁴.
Конь в мыле, закусил он удила —
У вестового важные дела.
Коль не поспеет он с депешей в срок —
С плеч голова! Таков ему урок.
А вслед за тем в пожаре и в дыму
Страна его погрузится во тьму.
Долой же всё, что держит на пути!
Труби, гонец! Быстрей стелы лети!

Мораль

Сей всадник — это ты, христианин.
В дороге к небу ты проводишь дни.
На всей земле посланца нет важней,
Чем ты с священной миссией своей.
Труби же в рог! Чем нынче оплошать,

⁶³ В отличие от многих других произведений сборника, это стихотворение не содержит обличения греха или призыва к добродетели. Автор с философским спокойствием констатирует: из многих хороших задумок человека сбываются, к сожалению, лишь некоторые.

⁶⁴ Автор вполне мог почерпнуть этот образ из собственного опыта военной службы в годы Английской революции; возможно, Беньяну и самому приходилось служить гонцом. Стихотворение содержит косвенные отсылки к Библии: образ бегуна («Давайте сбросим с себя всё, что мешает нам бежать, а также грех, легко запутывающий нас в свои сети, и будем терпеливо преодолевать отмеренную нам дистанцию» (Евр. 12.1, Новый русский перевод)) и образ трубы, как знак предостережения (Иез. 33.3).

Уж лучше и не жить, и не дышать⁶⁵.

28. Конь на мельнице

Конь мельничный — завязаны глаза,
Чтоб не взбрыкнул, не пятился назад.
Будь зрячим конь — хоть сахару давай,
Но не впряжешь его ты в жернова.

Мораль

Кто любит красть, развратничать, кутить —
Тот чёрту жернов нанялся крутить.
Кто сам себя в греховный запер склеп —
Безумен тот иль безнадежно слеп.

29. Колокольный звон

Церковный колокол⁶⁶! Тяжел ты и велик,
Но сам не в силах сдвинуть свой язык.
Тебе звонарь потребен, чтоб рукой,
Тебя качнул, нарушив твой покой
И полня город радостью. Не зря
Все люди станут славить звонаря.
Нет лучше музыки, чем колокольный звон!
«Динь-дон! — Летит над крышами, — динь-дон!»

Мораль

Тот гулкий колокол — душе подобен он,
Страсть воли и ума — язык его.
Звонарь, что силой рук рождает звон —
Живое слово Бога моего.
Как колокольная, тело вознеслось —
Так пусть же руки делают добро.

⁶⁵ Мф. 26.28 («Лучше было бы этому человеку не родиться»); в английском оригинале последняя строк почти буквально повторяет библейский текст.

⁶⁶ Это, по мнению всех исследователей творчества Беньяна, самое личное и эмоциональное поэтическое произведение в данном сборнике. К этому можно прибавить, что это также одно из наиболее качественных его творений в отношении стихотворной формы. Пуританская традиция, к которой Беньяна обычно относят, имела весьма разные взгляды на музыку — от одобрения до отрицания, хотя к церковной музыке и колокольному звону пуритане чаще всего относились негативно. Сам Беньян в какое-то время служил звонарем в церкви св. Марии в Элстоу неподалеку от г. Бедфорд, где он жил. Хотя во время одного из своих духовных кризисов он оставил это занятие, он продолжал любить колокольный звон. В английском оригинале стихотворения видно, что Беньян очень корректно использует термины, связанные с колоколами.

Пусть воля, позабыв про грусть и злость,
Что силы есть, бьет в медь и серебро.

Порой огонь в душе почти угас,
Почти порвалась жизненная нить.
Господь мой! Укрепи меня в тот час,
Дай мужества подняться и звонить.
Глухой набат иль звонких нот поток —
Пусть всё звенит, разрушив сон души.
Господь мой! Низкой страсти шепоток
Дай колокола гулу заглушить.

Играй же, славный колокол, играй,
Всё музыкой, как волнами омой.
Она меня живым возносит в рай,
Дай мне побыть здесь малость, Боже мой!

Бывает, внутрь проникнет злая страсть,
Как мальчуган, что в колокольню влез.
Что б музыка моя не стала врать,
Что б перезвон на веки не исчез,
Что б лишь добро с зари и до зари
Игрой умелой украшало дни,
От зла, Господь, меня ты затвори,
И ключ у сердца самого храни.

Покуда смерть за мною не пришла,
Покуда не замолк последний стон,
Звони во мне, Господь, в колокола,
«Динь-дон! — Нет звука радостней, — динь-дон!»

30 [26]. Вор

Вор⁶⁷ в дом залез, решив богатым стать.
Но так найти нельзя, лишь потерять.
Скажи мне, вор: такая жизнь во зле
Ведет к чему-то, кроме как к петле?

⁶⁷ С точки зрения современного читателя, это произведение не очень подходит для детской аудитории. Однако следует помнить, что Беньян жил в одну из самых суровых эпох английской истории. Бедность в измотанной гражданской войной стране была очень высокой, а смертная казнь назначалась за большое число преступлений, включая мелкие кражи и даже сбор хвороста и ягод в королевских лесах. Воров карали публично, и многие считали, что вид смертной казни способен внушить подросткам страх перед законом. Сам Беньян тоже до того, как стать проповедником и писателем, прошел сложную жизненную школу. Он сражался солдатом в армии парламента против роялистов (хотя этот период своей жизни он позже считал греховным), а после восстановления монархии много лет провел в заключении.

Ответишь, не боюсь, мол, палача;
Пусть я умру, когда пробьет мой час.
Гроб спишет все! Нет, погоди-ка, вор.
Тебе сказавший это мелет вздор.
Сам Бог изрек: кто в краже виноват,
Пусть кается, иль пусть получит ад.
Но будь ты даже прав, не жди добра
Коль труд презрев, ты стал, несчастный, красть.

Подумай сам: кто станет с вором знаться?
Удел твой — одному всю жизнь скитаться.
Твой вид лихой, но будь ты вправду смел,
То зло назвать бы злом давно сумел.
Хоть на шелках лежишь — себя оплачь.
Неумолимо время, как палач.
Скрутил тебя, подобно страже, страх.
Ты всех боишься, вечно ты в бегах.
Едва в подвале крыса шелохнется:
Так вор уже от ужаса трясется,
И думает, что люди у дверей
Пришли, чтобы схватить его скорей.
Не люди то, тебе отвечу я, —
То совесть беспощадная твоя.
Ты б тронулся умом, несчастный вор,
Когда б ее ты слышал приговор.

Оставь же, вор, срамное ремесло —
Ты человек, тебе противно зло.
Не дело погибать тебе в петле —
Жизнь избери и здравствуй на земле.
Сейчас смеешься ты над Божьим словом,
А завтра ляжешь в землю в гробе новом.
Сейчас отвергнешь щедрый Божий дар,
А завтра — не палач, так хоть удар
Сразит тебя, и на свою беду
Ты навсегда окажешься в аду.
Отвергни зло, — сам Бог тебе велит, —
И не страшись ни ада, ни петли.

31 [27]. Младенец и птенец

«В терновнике среди шипов⁶⁸
Как можешь, малый птенчик, петь?
Я взять к себе тебя готов,
Своей любовью согреть.
Не важно, птенчик, сколь ты мал,
И жизнь твоя — что медный грош.
Я за тебя бы всё отдал,
Коль скоро ты ко мне придешь.
Сегодня в небе солнца жар,
А завтра — буря, что тогда?
Пойдем со мной, моя душа,
Свое тепло тебе я дам.
В ночи к тебе приходит страх,
И холода бросают в дрожь;
При свете ж — ястреб в небесах...
Но ты сидишь себе, поёшь.
Дурна вода твоя и снедь,
И голод вечно за спиной —
Без слёз нельзя на то смотреть,
Пойдем же, милый мой, со мной!
Тебе налью я молока,
Корзинку с хлебом отворю,
Тебя укутаю в шелка,
Чтобы в тепле встречать зарю.
Тебя полюбит мой отец,
Навек подружится с тобой.
Есть у него большой дворец —
Живи в нём, радуйся и пей!
Напевам дивным дней былых
Тебя готов я научить:
И всякий, кто услышит их,
Певца не сможет не хвалить.
Готов тебя я защищать,
От зла и ныне, и потом,
И сердце всё тебе отдать,
Что б это стал навек твой дом».

Но птенчик слов не разумел,
Взмахнул крылом — и нет его.

⁶⁸ В первом издании это стихотворение предваряется двумя строками нот для пения. Они не вполне подходят под размер стихотворения, и автор их неизвестен. Существует спорное предположение, что мелодию написал сам Беньян.

Далёко в поле улетел,
Младенца бросив одного.

Мораль

Младенец сей — Спаситель всех,
А птенчик — смертный человек.
Шипы вокруг — тяжелый грех,
Что нас тиранит весь наш век.
Пока сияет теплый день,
Поет птенец, не зная бед,
Но лишь падет на землю тень —
И вот веселья больше нет.
Мольба в младенческих устах
Как дивной лютни перезвон:
Отвергни зло, прими Христа,
И будешь ты от бед спасен.
Как тяжело под небом жить,
Когда, отвергнув зов его,
Готов ты хоть бы что любить,
Но лишь не Бога своего.

32 [28]. Жена Моисея

У Моисея — чудные дела! —
Супруга эфиопкою была⁶⁹.
Он светел на лицо, а вот она
И в браке с ним осталась вся черна.
Не в силах Моисеев был закон
Переменить того, что испокон
Сложилось в мире, в коем правил грех,
Где он, казалось, был уделом всех.
Закон священный праведен и благ,
Но он добром не может сделать зла,
Не может сделать белым уголёк —
Способен на такое только Бог.
Всю жизнь ты по закону можешь жить,

⁶⁹ Автор опирается на библейскую историю о том, что жена Моисея была «эфиопкой», что по представлениям времен Беньяна означало чернокожих жителей Африки. В Священном Писании говорится, что жена Моисея носила имя Сепфора и принадлежала к (вероятно, семитскому) племени мадианитян, будучи дочерью их вождя (Исх. 2–4 гл.). Однако в другом месте (Чис. 12.1–15) сказано, что Моисей взял себе в жены «эфиопянку», буквально — жительницу страны Куш (Нубии или Эфиопии). Неизвестно, идет ли речь об одной и той же женщине, или о разных. В любом случае, для Беньяна упоминание черного цвета кожи Моисеевой жены — лишь литературный прием, помогающий показать, что ветхозаветный закон не может изменить греховной природы человека.

Но тем тебе себя не изменить.
Душа твоя останется черна,
Как Моисея черная жена.

33 [1]. Бесплодная смоковница

Смоковница⁷⁰! Нет, не земля дурна,
Не твоего Создателя вина —
Где плод, скажи, заботы и труда?
Взрасти ж его, не то придет беда.
Ты зеленеешь пышно у ручья,
Но вот зачем? Того не знаю я.
Для Господа не дашь ли ты плода?
О, поспеши, не то придет беда.

Был терпелив, настойчив садовод,
Трудясь в поту для блага твоего.
Но время вышло. Что напрасно ждать?
Взрасти же плод, не то придет беда.
Тот садовод, потратив много сил,
Искал плодов, надеялся, просил.
Но как возьмет топор он, что тогда?
О, поспеши, не то придет беда.

Он много раз бы мог срубить тебя,
Но всё жалел, надеясь и скорбя.
Ты ж за добро не думала воздать.
Взрасти же плод, не то придет беда.
Не лги себе! Нет, не спасет листва.
Не дав плодов, пойдешь ты на дрова.
Ты любишь брать, но возвратишь когда?
О, поспеши, не то придет беда.

34 [29]. Розовый куст

Средь листьев пышных посреди куста⁷¹
Взор привлекает розы красота.

⁷⁰ Лк. 13.6–9.

⁷¹ В этом стихотворении автор осторожно касается далеко не только «детской» проблемы — роли окружающих людей в христианском сообществе. Бенъян использует аллегорию розового куста: Иисус Христос, как цветок, привлекает человека к себе (сам образ розы как символа Христа восходит к Песн. 2.1–2), однако стоит человеку приблизиться, другие люди причиняют ему боль, которой могло бы и не быть вдали от Христа. Это трагическая, но неизбежная реальность — придя к «роду Адама», Сын Божий стал окружен грешными людьми, наносящими раны себе подобным. В первом издании это стихотворение предваряется нотами неизвестного авторства.

Цветок ее и шепчет, и манит:
«Твой буду я, лишь руку протяни!»
Однако ж как решусь ее схватить,
То кровью мне придется заплатить.
Великолепна роза, но её
Шипы блюдут, готова острить.
О куст жестокий! Молви, для чего
Чужого ранишь ты и своего?
Столь дивное творение, скажи,
Зачем себя ты стражей окружил?
К чему капризы эти ты устроил?
Иль тешишься кровавою игрою?

Мораль

Цветок прекрасный — это сам Христос.
Но для чего колючки — вот вопрос?
Зачем царапать руки, платье рвать
У каждого, кто хочет розу взять?
Сей куст — листва, колючки, гибкий ствол —
Адамов род, из коего пришёл
Христос в Отцом определенный час —
Подобен нам Он стал, спасая нас.
Адамов род родил Христа, и вот
Своим сынам Его он подаёт.
Но дар безмерный сей являя нам,
Греха шипами колет нас Адам.

35 [30]. Закат

Зачем, о, солнце, ты спешишь в закат⁷²?
Кто пред тобою, молви, виноват?
Кто прогневил тебя, что светлый луч

⁷² Основная тема произведения — краткость и скоротечность «века Евангелия». Особенностью Реформации в Англии была многократная смена религиозной политики правительства на ее раннем этапе, что порождало у людей, и особенно у протестантов, на тот момент составлявших меньшинство, ощущение «жизни на вулкане». Даже в годы правления Елизаветы I, когда протестантизм укрепился, многие проповедники рассуждали о хрупкости «Евангелия» (то есть протестантского исповедания) в стране. В пуританской среде подобная логика получила новое развитие в годы Английской революции XVII века. Это были времена свободы совести, когда самые различные учения распространялись без труда. Однако пуритане, как считал Беньян, посвятили это уникальное время не столько проповеди и благочестивой жизни, сколько внутренним склокам и пустым препирательствам. «Книга для мальчиков и девочек» писалась в эпоху реставрации Стюартов на английском престоле, когда против нонконформистов (как наследников пуританства) были направлены не только всё более строгие законы, но и антипатия общества, отождествлявшего пуританство и революционное насилие. В тексте стихотворения можно уловить аллюзию на слова Иисуса: «Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать» (Ин. 9.4). Беньян как бы оплакивает ушедшую «эпоху свободы и возможностей» и предчувствует еще более тяжелые времена.

Ты, как прощанье, кажешь из-за туч?
Не покидай нас, ты ведь нам не враг!
Уйдешь — и нас покроет долгий мрак,
Не станет ни тепла, ни красоты...
Увы! Мольбам людей не внимлешь ты!

Мораль

Хоть долог был Евангелия день,
Ленились мы, пока не пала тень.
Погрызли в мелочах и перебранках,
Не шли трудиться утром спозаранку,
И вот теперь награда по делам:
Полночный мрак приходит в гости к нам.
Ночная птица! Жалостно оплачь
Того, кто был средь дня себе палач.

36 [31]. Жаба

Холодной, скользкой жаба рождена,
Но носик любит вверх задрать она.
Широкий рот — чтоб квакать на весь сад,
Хоть мало кто тем звукам будет рад.

Мораль

Злой лицемер — на жабу он похож.
Ему чужая радость — острый нож.
В груди его царит холодный лёд,
И широко всегда распахнут рот.
С высот своих надменно судит всех,
Хоть сам тайком творить не против грех.
Как на болото, он приходит в храм —
Чтоб, Бога позабыв, поквакать там.

37 [32]. Волчок и кнут

Что б раскрутить волчок — потребен кнут⁷³.

⁷³ Речь идет об особом роде волчка — кубаре (откуда выражение «катиться кубарем»), который раскручивают при помощи небольшого кнута. Конец кнута наматывают на кубарь, чтобы раскрутить его, а затем точными ударами поддерживают вращение игрушки и заставляют ее двигаться в том или ином направлении. В этом стихотворении Беньян вновь критикует своих единоверцев-пуритан — тех из них, кто отрицает христианскую свободу и неспособен обходиться без свода правил на любой случай жизни. Сравнение кубаря с управляемым человеком,

Кнут даст ему вращение и ход.
Кнутом волчок не ради злобы бьют,
Но просто чтоб он двигался вперед.

Мораль

Законник — как из дерева волчок,
Не ведающий долга своего.
Бей, Моисей! Щелчок, еще щелчок!
Нет, без кнута не раскрутить его.

38 [33]. Муравей

Учителем возьми ты муравья⁷⁴.
В трудах он летом, чтобы жить зимой.
А как, скажи, проходит жизнь твоя,
Коль муравей смеется над тобой?
Ленивец жалкий, праздности сосуд!
Бездельем губишь душу ты свою.
Коль с муравьем предстанешь ты на суд,
То проиграешь даже муравью.
Учись же, сколько можно, у него,
Как быть в добре упорным, не во зле.
Послушай слово Бога своего,
Будь мудр и долго здравствуй на земле.

39 [34]. Просящий

Он просит подаянья. Ни гроша
Нет у него. Несчастливая душа!
Его взашей, а он кричит опять.
Ему «Пошел!», а он не хочет знать.
У двери сядет, ждет с терпеньем он,
То знак подаст, то вдруг испустит стон.
Ты можешь сколь угодно знатен быть —
Не запретишь ты нищему просить.
На грубость отвечает он мольбой,
Его толкнешь — порог целует твой.
И вот, поняв: бродягу не прогнать,

который, тем не менее, делает всё лишь из-под палки, встречается и в русской литературе — например, в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского (кн. 11, гл. 3).

⁷⁴ Прит. 6.6–8 («Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою»); Прит. 30.25 («Муравьи — народ не сильный, но летом заготавливают пищу свою»).

Спешит хозяин милостыню дать.

Мораль

Бродяга этот — славный человек,
Что просит благ у Бога весь свой век.
Ответа нет, но он не загрустит.
Зовёт лишь громче: «Господи, прости!»
В судьбе жестокой, в бедах без конца
Он видит перст Небесного Отца.
Христианин! Молясь, не отступай.
Настойчивым Господь дарует рай⁷⁵.

40. Неумелый музыкант

Представь, мой друг, когда на горе миру,
Невежда, что и нот совсем не знает,
Добудет лютню, скрипку или лиру —
Как думаешь, что он на них сыграет?
Оставь в покое скрипку, неуч жалкий,
Что, что творишь ты, людям слушать больно.
Как будто обезьяна лупит палкой
По инструменту. Прекрати, довольно!

Мораль

Коль кто, библейским не владея словом,
Вдруг с кафедры вещать набрался духа —
Нет разницы меж этим богословом
И бездарем со скрипкой, но без слуха.

41 [35]. Седоки

Проведши у дороги целый день,
Я непохожих видел лошадей.
Вот конь один — неспешный, ровный шаг.
Другой плетется, сам не зная как.
А третий — тот в галоп летит стремглав,
Оград не разбирая и канав.
Кто в гору мчится, кто с горы тишком...
И, глядя, я помыслил вот о чём:
Пусть то, как лошадь скачет по земле,

⁷⁵ Ср. Мф. 7.7–8, Лк. 11.5–9.

Расскажет нам о всаднике в седле.

Мораль

Положим, конь — людское естество.
Тогда в седле наездник — дух его.
Мы за конями станем наблюдать,
Чтобы получше всадников узнать.
Один идет дорогою прямой,
И знает, что за путь ведет домой,
Узде послушен, норовом смирён,
И воля седока — ему закон⁷⁶.
Гордись же, конь, что ходишь под седлом!
Не всем настолько с всадником везло.
Иной плетется, словно утомлен,
Куда, зачем идет — не знает он.
Как будто всадник, не имея сил,
Узду коню на шею положил.
Ремни расселись, съехало седло...
Нет, конь, тебе не слишком повезло.
Конь третий мчит, как молния сквозь тьму,
Как будто жизнь недорога ему.
Кричишь ему: стой, пропадешь на век!
Но конь в ответ ускорит только бег.
Несчастный конь! Знать, на твое седло,
Не скрытое ничем уселось зло.
Вот конь особый — гневом пышет он
На тех, что Божий в мире чтит закон.
Куснуть он любит и любовь, и веру —
Над ними, скаля зубы, ржет без меры.
Эх, конь! Срамнее нету на земле,
Чем ездить с твоим всадником в седле.

42 [36]. Свечки на полу

Я свечки неудачно уронил⁷⁷ —
И по полу рассыпались они.
Есть, благо, на подсвечнике одна!
Чтоб всё собрать, подарит свет она.

⁷⁶ Англ. And kept from Paths, which lead unto the dead, букв. ...и держится прочь от стезей, ведущих к мертвецам. Ср. Прит. 2.18.

⁷⁷ В стихотворении можно усмотреть несколько не прямых аллюзий на библейские образы. Свечи — образ людей, которые пали (Рим. 3.23) и рассыпались, рассеялись (Иез. 34.5). Иисус — «свет истинный» (Ин. 1.9), который собирает тех, кого избрал Бог (Еф. 1.4–5). Без этого света никто не может прийти к Богу (Ин. 6.44) и назвать Его Отцом (2 Кор. 6.18). Также в произведении заметна параллель с притчей о потерянной монете (Лк. 15.8).

Зажгу ее скорей, рассеяв тьму,
И то, что пало, вскоре подниму.

Мораль

Пусть даже Бог, мой друг, тебя избрал,
Ты, как одна из свечек — вниз упал.
Лежишь во тьме, не можешь воссиять,
Что б немощь ты свою сумел понять.
А первая свеча, что свет дала
И разыскать другие помогла —
То сам Христос. В его сияньи Бог
Избранников Своих воздвигнуть смог.

43 [5]. Небесные птицы

Я в час досуга часто наблюдаю
За птицами, что по небу летают —
Большие, малые, всех мастей и цветов.
За их красотой я ввек следить готов.
Парят в безбрежной выси небосвода —
Что птицам беды наши, что невзгоды?
И как имеют все различный вид,
Так и полет свой каждой належит.
Дав равно крылья им, природы сила
Всё ж разностью тех пташек наделила.

Мораль

Мы, люди, таковы ж, как эти птицы —
Равны природой, но разны на лица.
Пусть в жизни свой у каждого полет,
Нас всех в небесный рай Господь зовет.
Великий, малый — следуй за призваньем,
Будь верен — и получишь воздаянье,
Лети стремглав, иль малость погоди —
Награда Божья ждет в конце пути.
Каков бы ни был твой язык и племя,
В каком труде ты ни проводишь время,
Летишь ли ввысь, порхаешь ли кругом,
В небесной славе — твой предвечный дом.

44 [37]. Дешевый хлеб

Хлеб пенни стоит в годы урожая.
Но как приходит голод — дорожает.
Когда на всех краюха лишь одна,
Не серебро, но жизнь — ее цена⁷⁸.

Мораль

Пока ты бодро день встречаешь новый,
Не ценится Божественное слово.
Но стоит смерти заглянуть в окно —
Дороже жизни сразу же оно.

45 [3]. Виноградная лоза

Других деревьев полезней ли лоза?
Не больше, чем иных, ее краса;
Ни дом срубить, ни стол соорудить —
За что ж такое дерево любить?
За плод ее, за сладкий виноград!
Лозе бесплодной кто же будет рад?

Мораль

Христианин, чем лучше ты иных?
Ты не сильнее, не мудрее их.
Безбожников ты можешь быть бедней
Богатством, властью, долгою дней.
Коль, как они, желаешь ты грешить —
Твоим прозванием лишь чертей смешить.

46 [38]. Мальчик и часовщик

Мальчик

«Часы мои — отца бесценный дар —
Все золотом пылают, как пожар⁷⁹.
Но только вот беда: их стрелки врут,

⁷⁸ Ср. Ам. 8.11.

⁷⁹ Деревенские дети, к которым адресовано стихотворение, вряд ли могли даже видеть золотые часы, тем более обладать ими. Тем не менее, он прибегает к этому образу — чтобы подчеркнуть внутреннее богатство человека, получившего от Бога дар спасения.

Неверно отражая ход минут.
Бывает же, что я их заведу —
А шестеренки вовсе не идут.
Берёг я их всегда и не ронял,
Так как они сломались у меня?»

Часовщик

«Твои часы, приятель, хороши.
Их мастер, видно, сделал от души.
В порядке и пружины, и завод —
Но каждый день потребен им уход.
Их нужно аккуратней заводить,
Без лишней силы, чтоб не повредить.
Когда пружинки мелкие в пыли,
Почисти их, чтоб стрелки вновь пошли.
Ты научись, мой друг, владеть часами —
Себя они сберечь не смогут сами.
Поправил я часы, теперь иди,
Да впредь за ними лучше ты следи!»

Мораль

Христианин — вот кто сей мальчуган.
Часы же — Божий дар, что сердцу дан.
А часовщик — то сам Христос, что нас
Библейским словом учит каждый час.
Коль дар священный в сердце истощён,
Приди к Христу — его восполнит Он.
Пружинкам сердца надобен уход:
Из забивает пыль за годом год.
Старайся их почаще очищать,
Чтобы твои часы не стали врать.

47. Мальчик с пакетом чернослива

«Эй, мальчик, что ты держишь там в руке?
Не чернослив?» «Вы знали, сэр?» «Не знал,
Но догадался, увидав пакет
И как ты жадно лакомство глотал».
Мальчонка сливам сладким страшно рад —
Вкусней они ему, чем хлеб простой⁸⁰.

⁸⁰ Хлеб в данном случае выступает как символ библейского слова.

Однако вон он уж бредет назад,
Пакетик свой неся совсем пустой...

Мораль

Есть люди, что, как малое дитя,
Мирскую сладость ставят во главу.
Про Бога даже слышать не хотят,
И, словно им не умирать, живут.
Но день настанет, спесь сойдет с лица,
Уйдет здоровье, деньги, счастье, пыл —
Кем станешь ты в преддверии конца,
Коль ягодой сушеной в жизни был?

48 [39]. Зеркало

Уродства мрак, сиянье красоты —
Всё в зеркале увидеть сможешь ты.
Оно покажет правду сей же час,
Коль от той правды ты не спрячешь глаз.
Но такового нет пока зеркала,
Чтобы слепцу хоть что-то показало.

Мораль

То зеркало — Божественное слово.
Оно, на пользу нам, всегда готово
Наставить нас и точно научить,
Что мы по смерти можем получить.
Но если кто-то слеп совсем, то что ему
Покажет это зеркало? Лишь тьму.
Вот потому убийца или вор
Смеются, хоть пред ними приговор.

49. Фонарь

Фонарь⁸¹ потребен, что во тьме ночи
Беречь от ветра огонек свечи.
С собою взять фонарь ты не забудь —
В ночи, как днем, он твой осветит путь.

Мораль

⁸¹ Ср. Прит. 13.9, Пс. 118.105.

Фонарь сей уподоблю я тому,
Кто в сердце носит Божью благодать.
Коль хочешь ты рассеять светом тьму,
Ее в себе ты должен соблюдать.
Поверь в Христа, и, истину храня,
Будь как фонарь — вокруг себя свети!
Ведь если в сердце не горит огня,
Ничто тебе не озарит пути.

50 [40]. Любовь Христова

Любовь Христа никак не описать⁸².
Ее легко коснуться, но объять
Скорее сможешь волны всех морей,
Чем то, что шире моря и сильней.
Мы — грешники, мы все — враги Тому,
Кто ради нас сошел в немую тьму,
Кто был средь нас, страдая и скорбя,
И, Праведник, на смерть предал Себя.
Творец миров, Владыка и Господь,
Он на Себя надел больную плоть.
Чтоб не с небес на нас, людей, смотреть,
Но рядом с нами жить и умереть.
Мы — нищие, Он — нищим стал для нас.
Мы зло творили, Он — от зла нас спас.
Оставив в облаках высокий трон,
Он стал Младенцем, Девою рожден.
В поту трудился, жаждал и алкал,
Тот, кто лучи сиянья звёздам дал.
Тот, кто наполнил златом глубь земли,
Всё, что имел, с врагами разделил.
Не плоть одна, но и душа Его,
Всецелое людское естество,
Терзалась под проклятьем вечной тьмы,
Чтоб были от него свободны мы.
В Свой смертный миг Он из последних сил
Не за Себя — на нас Отца молил.
Земля дрожала, неба лик рыдал,

⁸² Это стихотворение было написано задолго до «Книги для мальчиков и девочек». Оно представляет собой эпилог богословского трактата «Учение мира и истины» (Peaceable Principles and True (1674)). Стихотворные части этого трактата см. The Miscellaneous Works of John Bunyan: In 13 vols. Vol. 6: The Poems / Gen. ed. R. Sharrock, ed. G. Midgley. Oxford: Clarendon Press, 1980. P. 129–132. В английском тексте стихотворения можно заметить косвенные отсылки к нескольким местам в Библии (Еф. 3.8, Мф. 8.20, Гал. 3.13, Пс. 7.2, Ин. 18 гл.).

Когда Он в муках крестных умирал,
Когда Он свой последний страшный час
Желал лишь одного — избавить нас.
По воле он ступил на крестный путь,
Чтобы узникам свободу вновь вернуть.
Царь — за убийц, мятежников, иуд
Венец Свой сняв, понёс великий труд.
Первосвященник на алтарь возлёт,
За тех, кому был ненавистен Бог.
Людские мысли, речи и дела,
Наполнились до края силой зла,
И словно рёв летел в святую высь:
«От нас, жестоких, Боже, отрекись!»
Но не отрекся Он, Творец начал,
И грешников короной увенчал,
Врагам своим Он щедрою рукой
Мир подарил, и славу, и покой.

51. Конь и барабан

Бывает конь на вид вполне хорош,
Но барабан его вгоняет в дрожь⁸³.
Едва заслышит дробь издалека,
Так мчится прочь, забыв про седока.

Мораль

Коню тому сродни христианин,
Что в испытаньях веру не хранил,
Но, как сигнал раздался боевой,
Немедля, бросив всё, покинул строй.
Им погрозили только, а они
Уже бегут — попробуй, догони!
Лишь барабан услышал — всё забыл,
Христианином словно и не был.

Но есть иные кони. Испугать
Не в силах их бесчисленная рать.
Коль привелось, бей, барабанщик, бой —
Седло к седлу они стоят стеной.
Они привычны к грохоту войны:

⁸³ Имеются в виду качества боевого коня. В армиях времен Бенъяна команды отдавались, среди прочего, барабанным боем, и, если конь пугался этого звука, он был непригоден для войны. Бенъян знал это по собственному опыту армейской службы.

Для битвы, знать, те кони рождены.

52 [42]. Курица, что любит кудахтать

Яйцо снесла пеструшка, и тот час
Уведомить спешит об этом нас.
Кудахчет, квохчет, бегаёт, горда:
Смотрите на плоды ее труда!

Христианин! Помочь другим решив,
Ты на весь свет кудахтать не спеши.
Хоть правая рука полна добром,
Пусть не знает левая о том⁸⁴.

53 [41]. Песочные часы

В стекло часов умелая рука
Вложила точной мерою песка.
Отныне, коль часы перевернут,
Они отмерят шестьдесят минут.

Часам подобен смертный человек —
Неукротим минут-песчинок бег.
Уходит скоро жизни щедрый дар,
Затем лишь, чтоб развеяться, как пар⁸⁵...

54. Мел

Он мягок, словно лист бумажный бел,
И крошится в руках. То — писчий мел.
Он на любом готов оставить знак,
Не важно, друг ты или грозный враг.

Христианин! На мел похожим стань.
Будь мягок, благ, являй собой Христа.
Врага иль друга встретишь на земле —
Оставь в его душе ты добрый след.

Не будь куском угля, свинцом на грудь,
Источником чумы, прошу, не будь!

⁸⁴ Мф. 6.3.

⁸⁵ Иак. 4.14.

Ходи в законе Божией любви,
И в чистоте и святости живи.

55. Зловонное дыхание

Откуда вонь? Иль воздух ядовит?
Или от пищи доброй так разит?
С желудком что-то? Легкое гниет?
Иль зуб болит — покоя не дает?

Порой так пахнут рассказы людей,
Что ходят вечно с Библией своей.
Для них Писанье — что для вора нож,
Лишь инструмент, чтоб злее стала ложь.
Вдыхают благо — выдыхают смрад,
Блаженный рай перетворяют в ад.
Увидят простака — давай ловить,
Чтоб гниlostным обманом отравить.

56. Смерть

К тем возрастным детишкам, что греха
Бояться не желают, смерть лиха.
Но даже беспощаднее и злее
Она к юнцам, что похоти лелеют.
Страшней всего же смерть придет к тому,
Кто, правду зная, ратует за тьму.
Имеет жало смерть, как скорпион,
То жало — грех. Божественный закон⁸⁶
В него вложил карающую силу,
Что б низвести отверженных в могилу.
Христос Спаситель смерть разрушить смог,
Но лишь достойным то послужит впрок.
Их прегрешенья с тяжестью вины
Его святою кровью прощены⁸⁷.
Но хоть и притупилось смерти жало⁸⁸,
Всё ж часть людей его не избежала.
Звучат нелепо странные слова:
Смерть умерла, но вот, она жива.
Мертва для тех, кому его вина

⁸⁶ 1 Кор. 15.56.

⁸⁷ 1 Ин. 1.7.

⁸⁸ Рим. 5.9.

Спасителем безмездно прощена.
Но кто отверг прощение, для того
Жива она, и поглотит его.

57 [43]. Улитка

Ползет улитка медленно, но верно,
Не спотыкаясь, хоть она мала.
Она свою дорогу соразмерно
Своим силёнкам мудро избрала.
Ни шумных гульбищ, ни пиров не ищет,
Цветы и зелень — вот ее обед.
Пока иные звери с рыком рыщут,
Она не знает ни забот, ни бед,
Не ищет славы, не несет убытки,
Ползет себе тихонечко вперед.
Тот, кто подобен маленькой улике,
К своим стремленьям под конец придет.

Мораль

Кто от греха и ада убегает,
Иль ко Христу желал бы кто прийти,
Тот пусть уверен будет, твердо знает, —
Не так длинны в небесный град пути.
Да, высоки священные чертоги,
Всем златом мира ты не купишь их.
Но вера знает скорую дорогу
Туда, где сонмы ангелов святых.
Христианин! Ступай, не сомневайся —
Христос тебе готовит горний рай.
Он ждет тебя. К Нему лишь устремляйся,
Да про улитку чаще вспоминай.

58 [44]. Невеста Христова

Из диких мест, где огненный самум⁸⁹
Клубы мешает мирры с фимиамом,
К Любимому, к Владыке своему
Выходишь ты, как иерей ко храму.
Одета в солнце, звезды на челе⁹⁰,

⁸⁹ Песн. 3.6, 8.5.

⁹⁰ Откр. 12.1.

И под стопами — лунная дорога.
Перед тобой — дракон в бессильном зле⁹¹,
С тобой — покров вселюбящего Бога⁹².

Кто ты, скажи? Была ли рождена⁹³
Ты в хижине убогой аморея?
А мать твоя? Из хеттов ли она,
Наложница бродяги и злодея?
Из чрева вышла ты — стояла ночь.
Приветственных псалмов тебе не пели.
Родная кровь тебя швырнула прочь,
Лишив тепла и милой колыбели.
Никто тебя, нагую, не жалел,
Когда ты в одиночестве кричала.
Пустынный ветер над тобой ревел,
Пыль укрывала серым одеялом.
Но ты жила, жила всему на зло,
Стал крепким стан, и кожа — медь литая.
И поднялось высокое чело,
На коем — диадема золотая.
Нагое тело облегли шелка,
В кудрях волшебный аромат струится...
И всякий ныне зрит издалика,
Тебя, Владыки вечного царица.
Где грязь была — там перл снегов белей,
Где рвался стон — там ныне песнопенье,
Где рос терновник — там цветы лилей,
И новый день дня прежнего блаженней.

Великой свитой ты окружена⁹⁴,
Князья тебе служить за честь считают.
И не увянет вечная весна,
Не потускнеет риза золотая.
И среди них, как в поле исполин⁹⁵,
Как средь песчинок — адамант в оправе,
Он — твой Супруг, Господь и Властелин,
Творец вселенной в вечной, горней славе.
Он кинул взгляд — и смерть бежала прочь⁹⁶,
Он улыбнулся — пронеслась зарница,

⁹¹ Откр. 12.13.

⁹² Песн. 2.3.

⁹³ Иез. 16.3–13.

⁹⁴ Ср. Откр. 19.14, 12.1.

⁹⁵ Ср. Откр. 19.16.

⁹⁶ Песн. 5.10–16.

В кудрях волос Его черней, чем ночь,
Путь млечный звездной лентой струится.
Всем, что имел, тебя Он наделил —
Снегами гор и бездной океанов,
Сиянием бесчисленных светил,
И музыкою ангельских оргáнов.
Владычица! Твои — земли цветы,
Твои — приливы моря и рассветы.
И до конца времен такой, как ты,
Под небесами не было и нету.
Но посреди блаженнейших миров,
Не забывай, кем ты была в начале,
И что лишь Бога вышнего покров,
Вознес тебя в заоблачные дали.

59 [45]. Искусный музыкант

Взяв лютню в руки, дивный музыкант
Игрой пленяет ухо, тешит ум.
Могучим волшебством его талант
То радость в сердце шлет, то тяжесть дум.
Но если те, кто слушают, грубы,
(Чему, увы, случается бывать),
Ни просьба скрипки, ни приказ трубы
Их не подвигнут петь и танцевать.

Мораль

Подобен песни проповеди звук
В устах того, кто ею сам живет.
Кто словно хлеб из верных, добрых рук,
Голодным пищу слова раздает.
Святую радость или Божий суд
Он возвещает, истиной дыша.
И, словно наполняемый сосуд,
Ликует иль печалится душа.
Беда ж тому, кто сердцем грубым глух,
И слов людских не слышит, как скала.
Когда при жизни в теле умер дух —
С ним и тоска, и радость умерла.

60. Заразная муха

Еду в кладовке люди берегут⁹⁷,
Но муха, лишь почует, сразу тут.
Сквозь щелочку протиснулась она —
И сделалась червивой ветчина.
Испорчены запасы, вот беда!
Не место мухам вредным, где еда.

Мораль

Та пища — слово Бога моего,
А мухи — те, кто исказил его.
Они сквернят заразою добро,
И не дают его усвоить впрок.
Иные ж так Писанье перевернут,
Что люди его в руки не берут,
И губят тем себя они, увы —
Но виноваты в этом, мухи, вы!
Кто простака по злобе обманул —
Воистину, твой бог — Веельзевул⁹⁸.

61 [46]. Человек и его натура

Он — Господу изменник,
Путей широких пленник,
Кутила и мошенник,
Чужих богов священник.

Греху вослед он бродит,
В разбое верховодит,
Его безумье водит,
И так он в ад уходит.

62. Лекарство

Лекарство пьют, что б жар и боль унять,
Но от него быть должен результат.

⁹⁷ Стихотворение содержит критику нерадивых или порочных пастырей: им «духовная пища» (1 Кор. 10.3) служит не для того, чтобы насыщаться самим и кормить других; они ее отравляют формализмом и ложным учением. При буквальном прочтении английского текста видно, что от порченной пищи более всего страдают «чувствительные животом», то есть слабые и неопытные в вере.

⁹⁸ Веельзевул (евр. баал зебуб, букв. повелитель мух) — одно из библейских именований сатаны.

Но если нет его совсем, тогда
Всем ясно сразу: может быть беда.
Еще микстуры врач дает, но снова
Совсем нет облегчения для больного.
Те, кто пришел страдальца посетить,
Теперь рыдают: смерть не отвратить.

Мораль

Больной здесь — кто к Христу не обращен,
Не кается, не верит, не прощен.
В нем грех царит, тираня естество,
Рабом себе соделавши его.
Надежда гаснет, плачут все вокруг:
Видать, ему не пережить недуг.

Лекарство же — Божественное слово,
Учение пречистое Христово.
Его сам Бог даем болящим пить,
Одно оно их может исцелить⁹⁹.
Порой бывает горьким то лечение,
Когда звучит с амвона обличение.
Внимай ему, не будь преступно горд,
Не важно кто ты — нищий или лорд.
Ведь если не подействует лекарство,
Божественного ты лишишься царства!

63. Очки

Очки¹⁰⁰ — для зренья, не для красоты.
Коль слаб глазами, их приобрети.
Не стал бы, верно, деньги тратить ты,
Когда без них сумел бы обойтись.

Очки потребны — это не беда;

⁹⁹ Мк. 2.17.

¹⁰⁰ Во времена Беньяна очки уже были достаточно распространены — не у всех они были, но все знали, что это такое. Используя этот образ, Беньян выступает против тех, кто считал себя выше «внешнего закона» (англ. ordinances, букв. установлений) — церковных таинств, проповеди, Священного Писания. К таким людям в первую очередь относились т.н. «энтузиасты» — представители мистических протестантских течений наподобие квакеров или сикеров. Однако критика Беньяна касалась и набиравшего силу английского рационализма. Автор отрицает «внутренний свет» квакеров и «свет разума» рационалистов, ведь и то, и другое происходит от испорченной человеческой природы (тут Беньян выступает строго в рамках пуританской традиции). При этом «закон» или «установления» для Беньяна не самоценны — они лишь средства, чтобы помочь человеку увидеть духовные истины. По сути, Беньян на языке новых символов повторяет библейскую мысль: «Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей» (Пс. 118.105).

Ты их наденешь и рассмотришь путь.
Ведь ты не слеп! А был бы слеп, тогда
Лишь чудо может зрение вернуть.

Мораль

Очки — закон Небесного Отца,
Сквозь них дорогу видно к небесам.
Ты от природа зреньем слаб. Лица
Господня разглядеть не можешь сам.

Жаль, есть такие в мире дурачки,
Кому законы Божии смешны.
Своей рукой сорвав с себя очки,
Они слепыми быть обречены.

64. О тех, кто боится мелкой живности

Был создан человек всему главой,
Но ныне он рабом ничтожным стал.
Хотел грехом возвысить жребий свой,
Но царскую корону потерял.

И вот несется с ужасом в глазах,
Увидев крысу — только и всего.
Не оттого ль его тиранит страх,
Что он — изменник Бога своего?

Он был велик — но пал он и лежит,
Не в силах сам собой на ноги встать.
Перед червями, мухами дрожит,
И жизнь его — пустая суета.

65. О нашей боязни бесов

Иные видеть дьявола страшатся¹⁰¹,

¹⁰¹ В Англии времен Бенъяна страх перед сатанинскими силами был не просто распространенным суеверием, а значимым общественно-политическим фактором. Колдовство и сделки с дьяволом преследовались еще в средние века, однако своего пика охота на ведьм достигла в стране в годы Английской революции, то есть при политической власти пуритан. Последний в Англии ведовской процесс, окончившийся смертной казнью обвиняемых, имел место в 1685 году, т.е. за год до первого издания «Книги для мальчиков и девочек». Во второй половине XVII века даже из пуританской среды начали раздаваться голоса, осуждавшие распространенные суеверия (Т. Эйди, Дж. Уэбстер). Неизвестно, что на этот счет думал Бенъян, однако на примере этого стихотворения можно видеть, что он считал опасность «внешнего» воздействия сатаны намного менее серьезной

Сильней, чем злу позволить совершаться.
Причудятся им черти — дрожь в руках,
А как грешить — тут им неведом страх.
Пугает этих птичек птицелов,
Зато спешат они во власть силков.
Уж лучше, не греша, близ чёрта жить,
Чем в рай прийти и там, как чёрт, грешить.

66 [47]. Непослушные дети

Милей младенцев в этом мире нет¹⁰²!
Жаль, портятся они с теченьем лет.
В них с возрастом крепчает власть греха,
Душа бунтует, страстна и лиха.
Родителей забыть, презреть родство
Их скверное толкает естество.
И вот, забывши заповеди слово,
Готовы вслед идти бродяги злого.
Всю жизнь желали б в праздности прожить —
А мать с отцом пусть будут им служить!
Им слово скажешь — грубостью ответят,
Как будто враг заклятый, а не дети.
Родители для них — рабы, не люди,
От них лишь ждут, чтоб всё несли на блюде.
Даешь совет им — огрызнутся вмиг:
Мол, прочь иди, не лезь ко мне, старик.
Дай волю — станут деньгами сорить,
Чтоб дом родной до нитки разорить,
Чтоб мать с отцом, лишив законной власти,
Свалить, подмять, и разорвать на части.
Без счета матерей или отцов
Пошли по миру от таких юнцов.
Тот, кто младенцем кроток был и мил,
Став юношей, семью свою сгубил.
Подумай, злой мальчишка: чем воздать
Отцу или почтить родную мать,
Ту, что тебя кормила, не спала,
Что всю себя тебе лишь отдала?
Ты был еще в утробе, а она

(если вообще существующей) по сравнению с опасностью греха, действующего изнутри человека, в согласии с его волей.

¹⁰² Это произведение выделяется из всего сборника. Не смотря на довольно большой объем, оно не содержит ни метафоры, ни «морали». Перед нами хрестоматийное, почти анекдотическое «брюзжание» родителей об «испорченности» детей. В чём именно оно может наставить «мальчиков и девочек», понять непросто.

Уже не знала отдыха и сна.
Подобно и отец твой ждал тебя,
Без устали тружась и скорбя.
Надеялись, что ты утетиши их:
А ты явился злейшим среди злых.
Они, ответь, зачем ночами бдели
Близ у твоей бессонной колыбели,
Готовые и самый Божий рай
Отдать тебе — ты только не рыдай?
Но страшная досталась им награда —
За рай ты воздаешь им пламень ада.
Тот птенчик, что не ведал слова «нет»,
Своих кормильцев клюнул лишь в ответ.

67. Мальчик и игрушечная лошадка

С лошадкой¹⁰³ мальчуган играть стал:
Теперь он как бы храбрый генерал!
Он с видом грозным скачет воевать:
С дороги все, иль вам несдобровать!

Мораль

Бывает, кто-то носится кругом
С красотой своей, богатством ли, умом.
Хоть многие вокруг честней его,
Он презирает всех до одного.
Есть «мнение» у него, и вот на нём,
Тот человек стремглав летит верхом.
Христа ему не страшно потерять,
Лишь дай на палке вдоволь поскакать.

68. Око и сердце

Что видит око¹⁰⁴, носишь в сердце ты —
Других людей манеру и черты.
Ты веришь ли в Христа? То дар большой!

¹⁰³ Под «лошадкой» здесь подразумевается распространенная детская игрушка — палка с лошадиной головой, на которой «катаются», бегая вприпрыжку. Играя таким образом, ребенок изображает всадника, хотя лошади у него на самом деле нет. В стихотворении нет прямых библейских аллюзий, однако в Писании можно встретить очень резкие слова в адрес тех, кто ставит себя выше других — даже если это может казаться оправданным: «Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою!» (Ис. 5.21).

¹⁰⁴ В английском оригинале упоминания о «сердце» нет: там образ другого остается непосредственно в глазу. На образном языке Библии «око» часто означает духовное восприятие, способность к моральному выбору. «Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло» (Мф. 6.22).

Коль вера есть, то Он навек с тобой.

69. Отважный флюгер

Отважный флюгер¹⁰⁵ служит образцом
Как все ветра встречать всегда лицом.
Христианин! Сопровствляйся тьме,
Не верь в любом обличье сатане¹⁰⁶.

70 [48]. Чистый лист

Хоть истину, хоть низменную грязь
Бумажный лист приемлет, не стыдась.
Но он же и покажет, не тая,
Всё, что напишет в нём рука твоя.
Будь ты мудрец, будь круглый ты дурак —
Узнает вмиг о том и друг, и враг.

Мораль

Иные люди столь собой просты,
Что души их — как чистые листы.
Любой чужак, что в жизни их встречает,
Легко своё в них слово начертает.
И вот уж клякса на листок легла —
Срамные и постыдные дела.
Простец, однако, так душой устроен,
Что зло чужое долго он не скроет.
Любой, кто видит, сможет распознать,
Кто чистый лист решился замарать.

71. Неуч

Бывает, мальчик в играх всех хитрей
А как за книгу — полный дуралей.
Бывает, взрослый притче всех в грехах,

¹⁰⁵ Образ флюгера в этом стихотворении Беньяна прямо противоположен тому переносному значению, которое это слово имеет в русском языке. Беньяновский флюгер имеет форму не флажка, который всегда повернут по ветру, а петушка — его хвост указывает направление ветра, но при этом головой он встречает его порывы.

¹⁰⁶ Англ. antichrist, букв. антихрист. Антихрист здесь выступает не как конкретная фигура из книги Откровения, но понимается в более общем смысле — как некая сила, противостоящая Христу. Такое употребление встречается в Новом Завете: «И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов» (1 Ин. 2.18).

А в рай спешить — так то́ увы и ах¹⁰⁷.

72. Время и вечность

Линейке время уподоблю я,
А вечность схожа с образом кольца.
У времени предел есть бытия,
У вечности — ни меры, ни конца.

73 [49]. Пожар

Попав в пожар недолго и сгореть.
А вот зевакам — им бы лишь смотреть
Да зубоскалить, глядя на огонь,
Пока иных сжигает жар его.

Мораль

Как помер грешник, так горит в аду.
Но если жив — дудит в свою дуду.
Покуда в ад одних приводит грех,
Другие поднимают то на смех.

74. Красота

Как скоротечна в мире красота!
Она — в поникших, вянущих цветах¹⁰⁸,
Она — как солнце: дарит теплый луч,
Но скоро меркнет среди тяжелых туч.

Не стоит приклонять своих колен
Пред тем, что скоро станет прах и тлен.
Всему творенью мера есть и срок,
Не будь рабом ему! Вот твой урок.

¹⁰⁷ Бенъян в поэтической форме повторяет библейскую мысль о том, что мудрость — не столько природная, сколько нравственная категория, характеризующая отношение человека к Богу (ср. Прит. 1.7).

¹⁰⁸ Ср. Ис. 28.1.